

РАЗВОД

Ты меня не сломаешь!

МАГИССА

Магисса - Развод: Ты Меня не Сломаешь!

<https://litres.ru/74350758>

Аннотация

Так много лет я была идеальной женой. Хранительницей очага в элитном поселке, где у каждого в шкафу спрятан скелет, а улыбка — это просто оскал. Я думала, что мы с Артуром — команда. Пока не нашла смету на "гнездышко" для его молодой любовницы. Оплаченную моими деньгами.

Муж решил списать меня как устаревшую мебель. Он дал мне неделю, чтобы освободить дом, заблокировал карты и настроил против меня всех "друзей". Он думал, что я сломаюсь. Что я буду плакать и умолять.

Зря.

Я знаю каждый грех этого "стеклянного зверинца". Я знаю, где спрятаны документы, которые могут уничтожить его бизнес. И я не уйду тихо.

Ты хотел войны, милый? Ты ее получишь. Только не забывай: в этом доме я знаю все ходы. И даже садовник, которого ты нанял, чтобы уничтожить мои розы, может оказаться на моей стороне...

В тексте есть:

Измена и развод

Властный герой (бывший) и настоящий мужчина

Умная героиня и изощренная месть

ХЭ (Счастливый конец)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6 (Артур)	50
Глава 7	57
Глава 8	67
Глава 9	78
Глава 10	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава 1

Идеальный день пахнет лилиями и полиролью для серебра.

Запах удушающий, сладковатый, как на похоронах очень богатого человека. Мадам Роза, наша флорист с руками могильщика и амбициями ландшафтного дизайнера Версаля, снова переусердствовала. Белоснежные, восковые бутонны хищно раскрывались в каждом углу гостиной, источая свой навязчивый аромат. Они были похожи на сотню маленьких граммофонов, трубящих о статусе и безупречном вкусе хозяев. Моем вкусе.

Я скользила по мраморному полу, отполированному до такой степени, что в нем, как в мутной воде, отражался мой силуэт — стройный, выверенный, одетый в кашемировое домашнее платье цвета утреннего тумана. Мои шаги были бесшумны. В этом доме все было бесшумным, от доводчиков на дверях до прислуги, которая материализовалась из ниоткуда по щелчку пальцев и так же бесследно исчезала. Сегодня, впрочем, дом гудел. Это был контролируемый, дирижируемый мною гул подготовки к главному событию года — десятилетнему юбилею клиники «Вронский-Эстетикс». Детища моего мужа. Венца его тщеславия.

— Мадам Роза, — мой голос был мягким, но в нем прозвенел тот самый холодок, который заставлял подчиняться

без возражений. — Лилии прекрасны. Но не могли бы вы убрать композицию с рояля? Госпожа Анциферова страдает от мигреней, а ее муж — наш главный инвестор. Не хотелось бы, чтобы вечер для него закончился спазмом сосудов супруги. Поставьте их в холле. Там больше воздуха.

Мадам Роза, женщина, похожая на перетянутую в корсет луковицу тюльпана, поджала губы, но кивнула. Она знала, что спорить бесполезно. Я знала всё о гостях: их аллергии, их фобии, их любовниц и невыплаченные кредиты. Это знание было моей главной валютой, моим щитом и мечом в этом стеклянном зверинце, который мы называли элитным поселком «Тихая Гавань».

Телефон в руке завибрировал. Месье Жирар, шеф-повар. — Регина Павловна, — заворковал он в трубку с очаровательным грассированием, которое обходилось нам в тридцать процентов от общей сметы. — Уточнение по канале. Креветки в соусе васоби...

— ...подавать на шпажках из черного дерева, — закончила я за него. — А тарталетки с козым сыром и инжирным джемом — на отдельном подносе для вегетарианцев. И, Кристоф, умоляю, проследите, чтобы официант, отвечающий за стол N4, знал, что у Елены Вольской аллергия на орехи. Тотальная. Вплоть до анафилактического шока. Я не хочу, чтобы кульминацией вечера стала трахеотомия столовым ножом.

В трубке послышался почтительный смешок.

— Вы — наш ангел-хранитель, Регина Павловна.

Я улыбнулась своему отражению в темном экране телефона. Ангел-хранитель. Скорее, диспетчер в аэропорту, где каждый самолет набит взрывчаткой и летит по собственному курсу. Моя задача — сделать так, чтобы они не столкнулись. Хотя бы до полуночи.

Двадцать лет я оттачивала это мастерство. Я была не просто женой Артура Вронского. Я была архитектором его успеха, реставратором его репутации, главным инженером его социального лифта. Я умела видеть трещины и скрывать их под тонким слоем позолоты. Я превратила наш брак в произведение искусства. Дорогое, безупречное, выставленное на всеобщее обозрение. И сегодня должна была состояться презентация главного шедевра — десяти лет триумфа.

Я завершила звонок и оглядела поле битвы. Флористы переносили вазы. Официанты из кейтеринга, похожие на пингвинов, натирали бокалы до скрипа. Все было под контролем. Все было совершенно.

Мой взгляд упал на кожаный портфель Артура, небрежно оставленный у камина. Montblanc. Кричаще дорогой, как и все, что он покупал в последние годы. Артур заскочил на обед — взбудораженный, сияющий, пахнущий успехом и своим неизменным парфюмом с нотами уда и самодовольства. Он бросил портфель, поцеловал меня в щеку, съел свой диетический салат и умчался, пообещав вернуться за час до прихода гостей, чтобы «блистать».

Портфель стоял криво, рискуя упасть на мрамор. Раздражающая деталь в моей идеальной картине. Я подошла, чтобы переставить его. Движение получилось слишком резким. Тяжелый портфель качнулся, замок, видимо, не до конца защелкнутый, со щелчком открылся, и содержимое, подчиняясь неумолимому закону гравитации, вывалилось на пол.

Раздался резкий, сухой треск, с которым папки в картонных обложках ударились о мрамор. Звук сломанной кости.

— Черт, — вырвалось у меня шепотом.

Первой реакцией было досадливое раздражение. Лишняя суета. Я опустилась на колени, элегантно, как учила меня когда-то мама, поджав под себя ноги. Мои пальцы начали привычно собирать разлетевшиеся листы. Договоры на поставку ботокса. Финансовые отчеты. Графики рентабельности. Все знакомое, скучное, правильное.

И тут мой взгляд зацепился за то, что было неправильным. Это был не шершавый офисный лист. Это была глянцевая, плотная бумага формата А3. Сложенная вдвое. Я развернула ее.

«Дизайн-проект. Пентхаус "Атлант"».

Я нахмурилась. «Атлант»? У нас не было пентхауса. У нас был этот огромный дом, квартира в центре для «деловых ночевок» и вилла в Испании. Никакого «Атланта». Может, новый инвестиционный проект? Артур любил вкладывать деньги в элитную недвижимость.

Я начала собирать остальные листы, и пальцы наткнулись

на следующий. Визуализация. Спальня. Огромная, от пола до потолка, панорамная стена с видом на ночной город. Минимализм. Холодное стекло, серый бетон, и в центре — гигантская кровать непристойных размеров, застеленная иссиня-черным шелком. Это было абсолютно не в моем стиле. Мой стиль — это бельгийский лен, антикварное дерево и приглушенные тона. Этот интерьер был похож на декорацию к фильму для взрослых. Агрессивный, бездушный, молодой.

Пальцы двигались дальше, словно сами по себе. Они наткнулись на тонкий кассовый чек, прикрепленный скрепкой к распечатке.

La Perla. Бутик N7. ТРЦ "Атриум".

Комплект белья "Maison". Шелк, кружево.

Размер: XS.

XS.

Эта аббревиатура из двух букв взорвалась в моем мозгу сверхновой. Мой размер — уверенный М. Я не носила XS со времен балетной школы. Двадцать пять лет назад.

Мир не остановился. Флористы продолжали шуршать оберточной бумагой. Вдалеке кто-то тихо засмеялся. Но звук изменился. Он потерял четкость, объем, превратившись в монотонный, низкочастотный гул, словно я внезапно опустилась на дно океана. Шум крови в ушах.

Я сидела на коленях посреди своей идеальной гостиной, и пол уходил из-под меня. Он не прятался. Зачем прятаться от мебели? Я была для него удобным креслом, в котором можно

оставить что угодно, не опасаясь, что оно встанет и уйдет.

И тогда я увидела ее. Маленькую записку, написанную на плотном картонном квадратице с тисненым логотипом клиники. Она выпала из чека. Каллиграфический, старательно выведенный женский почерк с игривыми завитушками.

«Моему Королю от его Кошечки».

Ко-шеч-ки.

Я смотрела на это слово, и мой натренированный глаз ре-ставратора видел не буквы. Я видела нажим. Слишком сильный. Девичий, неуверенный, пытающийся казаться значительным. Я видела, как петля на букве «К» в слове «Король» была похожа на крошечную, аккуратную петлю висельника.

Желудок скрутило в ледяной узел, а к горлу подкати-ла тошнота. Запах лилий вдруг стал невыносимо сладким, трупным.

Это не интрижка. Не случайная связь в командировке.

Это — проект. Параллельная жизнь. Смета на новое гнез-до, оплаченная из нашего семейного бюджета. Чеки на белье для другой женщины. Записки. Кошечка.

В голове промелькнула отстраненная, циничная мысль, как титр в немом кино: «Уволена. Без выходного пособия».

И в этот самый момент, когда мой мир, такой выстроен-ный и надежный, рассыпался на атомы, в парадную дверь по-звонили.

Резкий, пронзительный, скальпелем вскрывающий ват-ную тишину в моей голове звонок.

Я вздрогнула, как от удара.

На секунду я застыла, сидя на полу среди этих бумажных улик предательства. Внутри меня что-то оборвалось. Хотелось лечь лицом на холодный мрамор и выть. Долго. Страшно. Чтобы потрескались зеркала и осыпались с потолка хрустальные подвески люстры.

Но звонок повторился. Настоячивее.

И тогда сработал инстинкт. Тот, что был вбит в меня годами тренировок. Инстинкт жены Цезаря. Инстинкт королевы, чей замок штурмуют.

Мои пальцы, не дрогнув, собрали улики: гляцевый проект, визуализацию спальни, чек, записку. Я не скомкала их. Я аккуратно, методично сложила их и засунула в самую середину толстой папки с финансовым отчетом. Скрыла трещину. Замаскировала дефект.

Затем я собрала остальные документы, сложила их в портфель и защелкнула замок. Поставила его на место. Идеально ровно.

Я поднялась. Колени не слушались, но я заставила их выпрямиться. Я механически, как кукла, оправила складки на платье. Сделала глубокий, рваный вдох. Выдох.

«Улыбайся», — приказал внутренний голос. Ледяной, как сталь. — «Представление должно продолжаться».

Я подошла к зеркалу в прихожей. Из золоченой рамы на меня смотрела бледная женщина с огромными, пустыми глазами. Незнакомка. Я заставила уголки губ поползти вверх.

Получился оскал. Я моргнула, и на лице проступила она — привычная, спокойная, приветливая маска. Грим лег на место.

Третий звонок.

Я открыла дверь.

На пороге, улыбаясь во все тридцать два зуба, стояли двое парней в униформе службы доставки. Между ними — пирамида из ящиков с шампанским Veuve Clicquot.

— Регина Павловна, добрый день! С юбилеем вас и Артура Сергеевича! Принимайте артиллерию!

Их веселье, их беззаботность показались мне чем-то непристойным, кощунственным.

Мой голос прозвучал ровно, может, чуть теплее, чем обычно.

— Здравствуйте. Спасибо. Как раз вовремя. Будьте добры, вот туда, к бару. Только осторожнее, пожалуйста, на полу мрамор.

Они вошли, внося с собой запах улицы и морозной свежести. Я отошла в сторону, пропуская их.

Я закрыла за ними дверь. Поворот ключа в замке прозвучал оглушительно громко. На секунду улыбка сползла с моего лица. Я прислонилась спиной к холодному, резному дубу двери, чувствуя, как по позвоночнику бежит дрожь.

Я обвела взглядом свою гостиную. Сверкающую, благоухающую, готовую к триумфу. Но теперь я видела ее иначе. Это был не дом.

Это было место преступления. Идеально прибранное. Залитое светом. Ждущее гостей, которые придут потанцевать на похоронах моего брака.

Глава 2

Я прислонилась спиной к резному дубу парадной двери, чувствуя, как холод дерева проникает сквозь тонкий кашемир платья, пытаюсь заморозить хаос, бурлящий внутри.

На мгновение, всего на одно спасительное мгновение, привычная маска «идеальной хозяйки» сползла с моего лица, как плохо приклеенный парик. Дом, который я час назад обходила с гордостью инженера, обзирающего свое безупречное творение, теперь смотрел на меня враждебно. Он превратился в чудовищный организм, живущий своей, отдельной жизнью.

Звуки изменились. Они потеряли свою праздничную звонкость и приобрели плотность и вязкость кошмарного сна. Шуршание шелковых униформ официанток, натирающих последние бокалы, больше не было приятным фоном. Теперь это был шелест сухих змеиных шкур, сброшенных в предвкушении кровавой трапезы. Далекий смех персонала на кухне, который прежде показался бы мне признаком хорошего настроения, теперь звучал как визг гиен, почуявших сладковатый запах падали. Моей падали.

А лилии... Боже, эти лилии. Их аромат, казавшийся мне раньше символом роскоши, теперь душил, лез в ноздри, в горло, в легкие. Он пах не триумфом, а тлением. Это был запах похорон, на которые забыли пригласить покойника. Я

чувствовала себя зрителем в идеально убранном мавзолее, где главным экспонатом был мой двадцатилетний брак, аккуратно забальзамированный и выставленный под стекло для всеобщего обозрения.

— Регина Павловна, все в порядке?

Голос Тамары, нашей экономки, женщины с прямой спиной и лицом, которое, казалось, никогда не знало улыбки, прозвучал скальпелем, вскрывшим ватную тишину в моей голове. Она стояла в пяти шагах, сжимая в руках планшет с рассадкой гостей. Ее взгляд, острый, как игла, буравил меня, пытаюсь найти трещину в фасаде.

Внутри меня что-то взвыло. Хотелось сползти по этой проклятой двери, сжаться в комок на ледяном мраморе и зарыть. Не плакать, а именно орать — так, чтобы лопнули зеркала и посыпались хрустальные слезы с люстр. Чтобы весь этот стеклянный зверинец услышал, как умирает королева.

Но вместо этого я заставила себя выпрямиться. Я медленно, очень медленно повернула голову и посмотрела на Тамару. Мой голос прозвучал ровно, может быть, даже чуть теплее, чем обычно. Это была школа Джейн Остин, вбитая в меня с детства: чем сильнее буря внутри, тем безмятежнее должна быть улыбка.

— Все идеально, Тамара, спасибо, — сказала я, делая шаг ей навстречу. Я взяла из ее рук планшет. — Я просто задумалась. Мне кажется, стол номер три стоит развернуть на десять градусов против часовой стрелки. Так господину Афа-

нашеву не будет дуть от кондиционера, а его супруга сможет лучше видеть сцену. Вы же помните, у нее слабость к нашему саксофонисту.

Тамара моргнула. На долю секунды в ее глазах-бусинках промелькнуло удивление, смешанное с уважением. Она ожидала увидеть истерику, слабость, что угодно, но не эту маниакальную точность. Я вернула себе контроль. Этот маленький, почти незаметный бой за власть был выигран. Я все еще была хозяйкой в этом доме. В этом склепе.

— Конечно, Регина Павловна. Сейчас все сделаю.

Она развернулась и бесшумно удалилась, а я осталась стоять посреди холла, вдыхая отравленный воздух моего рухнувшего мира. И тогда мой мозг, словно защищаясь от невыносимой боли настоящего, начал сеанс ретроспективной экзекуции. Пазл начал складываться.

Я пошла по дому, но теперь я не проверяла готовность. Я шла по местам своих воспоминаний, которые на моих глазах превращались в улики.

Вот столовая. Огромный стол из мореного дуба, сервированный на пятьдесят персон. Два месяца назад Артур вернулся из «важнейшей командировки» в Вену. Симпозиум по инновационным методам клеточного омоложения, как он сказал. Он был взбудоражен, пах кофе и чужим успехом. Я помню, как он стоял здесь, у окна, и с восторгом рассказывал про какого-то швейцарского гения, который научился «перезапускать» клетки. Он не смотрел на меня, он смотрел

сквозь меня, на огни ночного города.

«Представляешь, Реджи, это совершенно новый уровень! Пентхаус с панорамными окнами, лаборатория прямо в апартаментах...»

Тогда я слушала его вполуха, с улыбкой отмечая его мальчишеский энтузиазм. Сейчас же картинка из его портфеля — та самая спальня с непристойных размеров кроватью и видом на огни — наложилась на мое воспоминание. Я увидела его там. Не на скучной лекции, а в этом холодном, бездушном интерьере. И рядом с ним — размытый, тонкий силуэт размера XS. Он не омоложением клеток занимался. Он строил новое гнездо.

Я двинулась дальше, в гостиную. Мои пальцы бессознательно коснулись спинки кресла, в котором он любил сидеть вечерами. Несколько месяцев назад он сменил парфюм. Двадцать лет он пользовался одним и тем же, классическим, тяжелым ароматом с нотами сандала и мха. И вдруг — резкий, почти юношеский запах с нотами цитруса, вербены и чего-то еще, что я тогда не смогла определить. Теперь я знала, что это. Это был запах самодовольства мужчины, который завел себе молодую любовницу.

«Милый, ты пахнешь, как выпускник, идущий на первое свидание», — пошутила я тогда, поправляя ему галстук.

«Нужно соответствовать трендам, дорогая. Стагнация — это смерть», — ответил он, нежно целуя меня в лоб.

Какой же лживой, какой оскорбительной казалась мне

сейчас эта нежность. Это был поцелуй Иуды. Он не просто шел на свидание. Он уже жил в другом мире, а ко мне заходил лишь по привычке, как заходят в старый, но удобный дом, который скоро пойдет под снос.

И спорт. Боже, этот его спорт. Последние полгода Артур словно сошел с ума. Он, всегда предпочитавший гольф и неспешные прогулки, вдруг увлекся триатлоном. Ранние подъемы, изнурительные тренировки, протеиновые коктейли вместо моих завтраков. Он сбрасывал вес, наращивал мышцы, с одержимостью маньяка следил за каждым показателем своего тела. Я думала, это кризис среднего возраста, страх старения. Какая же я была наивная дура.

Это был не страх старения. Это была подготовка. Он готовил свое тело не к здоровой старости со мной. Он выставлял его на рынок. На новый сексуальный рынок, где главным товаром была молодость, а я со своим уверенным «М» и морщинками у глаз числилась в разделе «уцененные товары». Каждая пробежка, каждый заплыв, каждый грамм сброшенного жира — все это было инвестицией в его новую жизнь. В жизнь, где мне не было места.

Это не было ошибкой. Не было интрижкой, о которой жалеют. Это был холодный, циничный, тщательно продуманный бизнес-план по моей утилизации. И я, его гениальный менеджер, его архитектор успеха, проглядела все признаки. Или не хотела их видеть.

Движимая новой, ледяной яростью, я направилась туда,

куда не заходила почти никогда. В его кабинет. В его святая святых.

Дверь из темного ореха открылась беззвучно. Здесь пахло так, как пахнет власть: дорогая кожа, сигарный дым, который, казалось, въелся в стены, и тот самый, его личный парфюм «с нотами самодовольства». Кабинет был отражением его сути. Идеальный порядок, граничащий с обсессивно-компульсивным расстройством. Книги на полках расставлены не по авторам, а по цвету корешков. Ручки на столе лежали идеально параллельно друг другу. Это был мир человека-функции, не терпящего хаоса. Моего хаоса.

Я не стала рыться в ящиках стола. Это было бы слишком предсказуемо. Мой взгляд скользнул по рядам книг, по дорогим безделушкам на полках. Я искала нечто иное. Я вспомнила. Месяц назад, когда юбилей был еще далекой перспективой, он обмолвился, проходя мимо: *«Я тут присмотрел тебе подарок-сюрприз. Нечто особенное. Ты оценишь»*. Потом тема заглохла. Он больше ни разу о ней не вспоминал, а я, закрутившись с подготовкой, и не спрашивала.

Мой взгляд упал на высокий платяной шкаф, встроенный в стену. В нем висели его костюмы, рубашки. Он был так же педантичен в одежде, как и во всем остальном. Я открыла дверцу. Десятки одинаковых, дорогих рубашек висели, как солдаты в строю. Я провела рукой по ткани, и мои пальцы наткнулись на что-то твердое в глубине, за рядом зимних пиджаков.

Фирменный пакет ювелирного дома «Graff».

На секунду, на одну уродливую, постыдную секунду, в моем замерзшем сердце что-то дрогнуло. Надежда. Глупая, иррациональная, как последняя молитва атеиста. А вдруг я ошиблась? Вдруг пентхаус — это инвестиция? Вдруг записка — глупая шутка его ассистентки? Вдруг этот подарок — действительно мне?

Мои пальцы дрожали, когда я доставала пакет. Он был тяжелее, чем я ожидала. Внутри — классическая темно-зеленая бархатная коробочка. Я открыла ее.

Время остановилось.

Внутри, на белом шелке, лежал тонкий браслет из белого золота. Изящный, дорогой, минималистичный. И к нему — подвеска.

Крошечная, усыпанная паве из мелких бриллиантов... кошечка.

Игриво выгнувшая спинку. С хвостом-запятой.

Кошечка.

Для его Кошечки.

Я смотрела на эту побрякушку, и мир вокруг окончательно потерял цвет, превратившись в черно-белый фильм. Это было хуже, чем финансовые отчеты. Хуже, чем проект чужой спальни. Это было личное. Это было оскорбление.

Какая оглушительная, какая банальная пошлость. Какое убийственное отсутствие фантазии. Заменить меня, Регину Вронскую, женщину, которая создала его из ничего, на анек-

дот. На клише из дешевого любовного романа. На «кошечку». Он не просто изменил. Он обесценил. Он растоптал все двадцать лет нашей жизни одним этим крошечным, сверкающим брелоком.

Ярость, которую я так старательно сдерживала, взорвалась во мне сверхновой. Но она не выплеснулась криком. Она схлопнулась внутрь, превратившись в черную дыру, в холодный, плотный сгусток ненависти, острой, как скальпель хирурга.

Я аккуратно закрыла коробку. Поставила ее на место, в самую глубину шкафа. Я не оставила следов. Реставраторы всегда работают чисто.

Я вышла из кабинета и направилась в свою гардеробную. Мою территорию. Через час придут первые гости. Скоро вернется Артур, сияющий, благоухающий успехом, готовый принимать почести.

Я села за свой туалетный столик и посмотрела на свое отражение в венецианском зеркале. Из позолоченной рамы на меня смотрела незнакомая женщина с бледным лицом и огромными, пустыми глазами. Жертва. Списанный актив. Устаревшая модель.

Взгляд упал на маникюрный набор. Я взяла из него тонкую металлическую пилочку с острым концом. Крепко, до побелевших костяшек, сжала ее в кулаке. Острый край впился в ладонь. Боль. Резкая, чистая, настоящая. Она пронзила ватный туман в голове и вернула меня в реальность. Я — не

жертва. Я — Регина Вронская. И мой дом — это не место преступления. Это поле боя.

Боль отрезвила. Ярость больше не кипела, она кристаллизовалась, превратившись в стальной стержень внутри моего позвоночника. Я не буду плакать. Я не устрою скандал. Я буду играть свою роль. И я сыграю ее гениально.

Я разжала ладонь. На коже осталась глубокая красная полоса, из которой выступила капелька крови. Я смотрела на нее, как на присягу. Клятву верности. Только не ему, а себе.

Я взяла с туалетного столика тональный крем. Холодная, шелковистая субстанция легла на кожу, скрывая бледность и следы бессонной ночи. Это была моя грунтовка. Основа для картины, которую я сегодня нарисую. Затем — консилер, стирающий темные круги под глазами, стирающий саму память о слабости. Слой пудры, закрепляющий маску.

Я взяла в руки черный карандаш для глаз. Моя рука не дрогнула. Линия получилась идеальной — острой, хищной. Стрелка, направленная точно в цель. Тушь, делающая ресницы густыми и длинными, как траурная бахрома.

И, наконец, помада. Я выбрала самую яркую. Крово-красную. Цвет победы. Цвет войны.

Через десять минут я была готова. В зеркале на меня смотрела Королева. Спокойная, сияющая, безупречная. Готовая к триумфу своего мужа.

Он хотел новой жизни. Что ж, я устрою ему новую жизнь. Таковую, что он взвоят.

Я улыбнулась своему отражению. Улыбка получилась идеальной. Фарфоровой. Без единой трещины.

Внутренний голос, холодный, как сталь, произнес:

«Представление должно продолжаться. Но режиссёр сегодня — я».

Глава 3

Я сидела перед тройным венецианским зеркалом, и оно отражало не одну, а три версии меня. Три Регины Вронские, облаченные в броню из шелка и решимости, смотрели на меня из своих позолоченных миров. Женщина, которой я была час назад, — раздавленная, униженная, сидящая на полу среди улик чужой жизни, — умерла. На её месте родилось нечто иное. Холодное. Целеустремленное.

Ярость, та самая, что взорвалась во мне сверхновой в кабинете мужа, не испарилась. Она схлопнулась внутрь, превратившись в черную дыру, в сингулярность, в точку абсолютной плотности. Она больше не обжигала. Она придавала вес.

Ждать вечера. Ждать, когда он вернется, благоухающий успехом и ложью, чтобы сыграть роль оскорбленной супруги? Ждать, когда Она появится на моем празднике, в моем доме, чтобы исподтишка наблюдать за ней, как мышь из-за плинтуса?

Нет.

Позиция жертвы — это роскошь, которую я не могла себе позволить. Жертвы ждут. Хищники — охотятся. А я, два десятилетия бывшая главным зрителем этого элитного террариума, должна была, наконец, вспомнить, что у меня тоже есть зубы.

Потребность увидеть её была почти физической. Как жажда, как спазм в мышцах, как потребность вдохнуть после долгого пребывания под водой. Это была не ревность. Ревность — это мутное, иррациональное чувство, замешанное на страхе потери. А терять было уже нечего. Это была необходимость. Тактический ход. Перед началом военной кампании полководец изучает карту местности и силы противника. Он не полагается на донесения шпионов. Он взбирается на холм и смотрит сам.

Мне нужно было увидеть её. Увидеть «новую модель», которую Артур выбрал взамен моей, «устаревшей». Оценить её комплектацию. Найти уязвимости. Заглянуть в глаза и понять, с кем я имею дело: с наивной дурочкой, попавшей под чары состоятельного мужчины, или с расчетливым, циничным игроком. Моя интуиция реставратора, привыкшего видеть скрытые трещины под слоями лака, подсказывала — второе.

План родился мгновенно. Холодный, безупречный, как линия, проведенная скальпелем. Ей, моей идеальной репутации, нужен был идеальный предлог.

Я встала и подошла к гардеробной. Десятки платьев, костюмов, блузок висели в идеальном порядке. Моя униформа. Моя вторая кожа. Я пропустила вечерние наряды. Это не светский выход. Это инспекция. Вылазка на вражескую территорию.

Мой выбор пал на платье-футляр цвета мокрого асфальта.

Дорогой, плотный шелк, который не мнется и держит форму. Никакого декольте. Длина строго по колено. Длинные рукава. Это платье не кричало о сексуальности. Оно говорило о статусе, власти и контроле. Броня, сшитая на заказ.

Тонкая нитка жемчуга на шею. Не фамильные бриллианты, нет. Жемчуг — камень сдержанности и достоинства. Серьги-пусеты. Классические лодочки Manolo Blahnik на невысокой, но острой, как стилет, шпильке. Сумка — жесткий «дипломат» от Valextra, куда я демонстративно положила тонкую папку с документами.

Я была готова. Отражение в зеркале меня не знало. Это была не Регина, жена Артура. Это была Регина Павловна Вронская, совладелица многомиллионного бизнеса, которая едет решать рабочие вопросы.

Спускаясь по лестнице, я столкнулась с Тамарой. Она держала в руках какой-то счет.

— Регина Павловна, вы куда-то уезжаете? Гости скоро начнут прибывать.

— Ненадолго, Тамара, — мой голос звучал спокойно и ровно, как будто я сообщала ей о смене скатертей. — Срочное дело в клинике. Артур совершенно замотался и забыл передать Милане финальный список правок по VIP-гостям. Аллергии, личные антипатии, кто с кем не должен сидеть рядом... Ты же знаешь, дьявол в деталях. Не хочу, чтобы вечер закончился анафилактическим шоком у жены инвестора или тихой поножовщиной между двумя светскими львицами.

На лице Тамары промелькнуло понимание и уважение. Конечно. Кто, если не я? Этот предлог был железобетонным. Контроль — это мое второе имя.

Дорога до клиники заняла двадцать минут. Двадцать минут мой «Мерседес» плыл сквозь городскую суету, но я не видела ни машин, ни людей. Мой взгляд был сфокусирован на невидимой точке впереди. Внутри меня не было ни страха, ни паники. Только ледяное, звенящее спокойствие. Я была на задании.

Клиника «Вронский-Эстетикс» встретила меня тишиной и запахом. Это был сложный, многослойный аромат, который я сама когда-то утверждала с лучшими аромадизайнерами Москвы. Верхние ноты — озон и что-то неуловимо-медицинское, стерильное. Сердце аромата — дорогая кожа, которой были обиты кресла в зоне ожидания. И база — легкий, едва уловимый флер белых цветов, но не лилий. Нет, здесь были холодные, отстраненные орхидеи. Запах денег, здоровья и тотального, выверенного лицемерия.

Я вошла внутрь. Две девушки за стойкой ресепшена, похожие друг на друга, как клонированные овечки, подняли на меня глаза. Их улыбки включились автоматически, как датчики движения.

— Регина Павловна! Добрый день! Какая приятная неожиданность!

Я знала их. Катя и Маша. Или Маша и Катя. Двадца-

титрехлетние выпускницы факультетов PR и менеджмента, отобранные лично Артуром по одному, главному критерию — они были идеальными живыми брошюрами его клиники. Белоснежные виниры, идеальная кожа (результат процедур, которые списывались как «представительские расходы»), волосы, уложенные волосок к волоску.

— Здравствуйте, девочки, — я улыбнулась в ответ. Улыбка получилась идеальной. Той самой, которой я могла заморозить или согреть, в зависимости от дозировки. — Артур Сергеевич у себя?

— Артур Сергеевич на совещании с инвесторами, — проворковала одна из них, заглядывая в монитор. — Но он должен скоро освободиться. Чай, кофе? Наш новый бариста делает потрясающий раф на лавандовом молоке.

«Лавандовое молоко». Боже, какая пошлость.

— Спасибо, не нужно. Я, собственно, не совсем к нему. Мне нужна его PR-директор. Милана. Я привезла обновленный список правок по рассадке VIP-гостей и меню. Артур просил, чтобы она взглянула лично.

Я произнесла её имя — «Милана» — так, словно говорила о ком-то совершенно незнакомом, о штатной единице. Девушки переглянулись. Мое появление здесь, да еще и с таким «рабочим» визитом, было событием из ряда вон выходящим. Я была королевой, которая никогда не спускалась на кухню.

— Конечно. Милана Андреевна в своем кабинете. Я про-

вою вас.

— Не стоит, — остановила я её. — Я прекрасно знаю, где находится PR-отдел. Не отвлекайтесь.

Я пошла по коридору, чувствуя на спине их взгляды. Каждый мой шаг отдавался тихим, уверенным стуком каблучков по керамограниту, отполированному до зеркального блеска. Я шла по своей территории. Когда-то я лично выбирала этот камень, этот оттенок стен, эти безликие, но кричаще дорогие картины в хромированных рамах. Я строила этот храм. Храм, в котором меня собирались принести в жертву.

PR-отдел находился в конце коридора, за стеклянной стеной. Open-space, оформленный в стиле модного лофта: голый кирпич (декоративный, разумеется), открытые коммуникации под потолком, дизайнерские стулья, похожие на орудия пыток. Все это придумала не я. Это был новый стиль, который Артур одобрил полгода назад. «Нужно быть в тренде, Реджи, — говорил он. — Больше воздуха, больше динамики. Меньше нафталина».

Теперь я понимала, что это был за «тренд».

Я остановилась за несколько шагов до стеклянной двери, делая вид, что отвечаю на сообщение в телефоне. И я увидела её.

Мне не нужно было, чтобы кто-то на неё показывал. Я вычислила её мгновенно.

Она не сидела за своим столом, как остальные клерки. Она находилась в кабинете Артура, дверь которого была де-

монстративно открыта. Она стояла, опираясь одним бедром о край его массивного стола из эбенового дерева. Поза была расслабленной, но в ней читалась собственническая уверенность. Она смеялась, запрокинув голову, и её смех, даже сквозь стекло, был слышен — звонкий, дерзкий.

На ней было трикотажное платье цвета фуксии. Оно облегало её тело, как вторая кожа. Тело, выточенное в спортзале, доведенное до совершенства изнурительными тренировками по триатлону. Длинные, мускулистые ноги. Тонкая талия. Высокая грудь. Я видела не женщину. Я видела биологический актив. Идеальный образец, выставленный на продажу и уже нашедший своего покупателя.

XS.

Размер белья из чека La Perla взорвался в моем мозгу неоновой вывеской. Двадцать пять лет назад, до того, как я родила ему двоих сыновей и выстроила для него эту империю, я тоже носила XS. Неравноценный обмен.

Внутри меня не было ни капли ревности. Только холодное, отстраненное любопытство патологоанатома, изучающего причину смерти, и острая, как укол, горечь.

Кошечка.

Слово из записки обрело плоть, кровь и платье цвета фуксии.

Я сделала глубокий вдох, убрала телефон и толкнула стеклянную дверь.

Звук моих каблучков по бетону заставил всех в отделе под-

нять головы. Воцарилась тишина. Смех в кабинете Артура оборвался.

Он увидел меня первым. На его лице, на одну сокрушительную секунду, промелькнула паника. Чистая, животная паника человека, пойманного на месте преступления. Он побледнел. Но тут же взял себя в руки, натянув на лицо маску удивленного радушия.

— Регина! Дорогая! Вот это сюрприз! А мы... мы как раз обсуждали детали сегодняшнего вечера.

Он встал из-за стола, подошел ко мне, обнял и поцеловал в щеку. Его губы были холодными. Он пах своим парфюмом и страхом.

— Познакомься, — он повернулся к девушке, которая уже не опиралась на стол, а стояла рядом, приняв более сдержанную позу. — Это Милана Сосилькина, наш гениальный PR-директор. Моя правая рука. Милана, это моя супруга, Регина Павловна.

Дуэль началась.

— Милана, — я протянула ей руку, глядя прямо в глаза. Моя улыбка была безупречна. — Наконец-то мы познакомились лично. Артур так много о вас говорит. Ваш вклад в успех клиники, право, невозможно переоценить.

Её ладонь в моей оказалась прохладной и сухой. Хватка — на удивление крепкой. Она не отвела взгляд.

— Регина Павловна, — её голос был низким, с легкой хрипотцой. Голос, который мог сводить мужчин с ума. — Для

меня это огромная честь. Вы — пример для всех нас. Быть надежной опорой для такого человека, как Артур Сергеевич, — это тоже титанический, хоть и невидимый труд.

Она сказала «невидимый труд». Она сказала «опора». Она только что, глядя мне в глаза, назвала меня мебелью. Фоном.

Артур почувствовал напряжение. Он попытался разрядить обстановку своей дурацкой, обезоруживающей улыбкой.

— Ну вот и познакомились мои главные женщины! Одна — мозг, другая — сердце!

Я проигнорировала его идиотизм, обведя взглядом новый интерьер отдела.

— Кстати, Милана, пока я здесь... Я не могла не оценить новый дизайн. Какое смелое, динамичное решение. Артур ведь всегда тяготел к тяжелой, респектабельной классике. Должно быть, вы обладаете исключительным даром убеждения, раз смогли так повлиять на его вкусы. С возрастом мужчины, видимо, становятся более восприимчивы к свежим, молодежным веяниям.

Это был удар. Вежливый, светский, но убийственно точный. Я не обвиняла. Я констатировала. И намекала. На её влияние. На разницу в возрасте. На то, что мой муж — ведомый стареющий мужчина.

Улыбка на лице Миланы дрогнула. Она бросила на Артура быстрый, злой взгляд.

— Я просто предложила несколько идей, соответствующих

щих духу времени, — процедила она. — Артур Сергеевич сам принимает все ключевые решения.

— Разумеется, — великодушно согласилась я и протянула ей папку. — Вот, здесь правки по гостям. Проследите, чтобы все было исполнено. Не хочу, чтобы вечер был омрачен досадными мелочами.

Она молча взяла папку.

— Была рада знакомству, Милана. Артур, дорогой, не задерживайся. И не забудь, госпожа Анциферова не выносит лилии. Я проследила, чтобы в гостиной их не было. Проследи и ты, чтобы ей хватило её любимого шампанского.

Я подарила мужу еще один ледяной поцелуй, кивнула Милане и развернулась.

Я шла к выходу, не оборачиваясь. Я чувствовала, как они смотрят мне вслед. Я слышала оглушительную тишину, повисшую в воздухе.

Дверь «Мерседеса» закрылась с глухим, приятным звуком, отсекая меня от мира клиники. Я сидела несколько секунд, не двигаясь, глядя на руль.

Маска сползла.

Я не заплакала. Я не закричала. Я сделала один глубокий, рваный вдох. И выдохнула.

Теперь я знала.

Это была не интрижка. Не случайная связь. Не ошибка, о которой жалеют.

Это был бизнес-план. Холодный, циничный, тщательно продуманный. Милана не была глупой девочкой. Она была рейдером. Солдатом. Идеальным исполнителем. Она была такой же, как Артур. Человек-функция. Они были созданы друг для друга.

А я... я была в этом плане статьей расходов, подлежащей списанию. Устаревшим активом.

Я завела мотор. Ледяная ярость внутри меня окончательно кристаллизовалась, превратившись в стальной стержень.

Жалость к себе испарилась. Страх — тоже.

Осталась только одна мысль. Ясная, как свет хирургической лампы.

Сегодня вечером будет праздник. Юбилей. Триумф. И я буду на нем блистать.

Представление должно продолжаться.

Но теперь я знала, кто мой главный зритель, сидящий в первом ряду. И я собиралась устроить для неё незабываемое шоу.

Глава 4

Существует два вида грима. Тот, что создает иллюзию жизни, и тот, что маскирует смерть. Сегодня мне понадобятся оба.

Я вошла в свою гардеробную и закрыла за собой дверь из матового стекла. Шум дома, этот дирижируемый мною гул подготовки к празднику, мгновенно стих, сменившись плотной, звенящей тишиной. Здесь, в моем личном, до абсурда упорядоченном мире, где кашемировые свитеры были рассортированы по оттенкам от экрю до мокко, а туфли стояли на полках, как солдаты в ожидании парада, хаосу не было места. Но сегодня хаос был не снаружи. Он поселился внутри меня, свернувшись ледяным змеем в солнечном сплетении.

Мое королевство. Десятки метров встроенных шкафов из беленого дуба, остров с ящиками для аксессуаров под стеклянной столешницей, мягкий пуф в центре. Это был не просто склад одежды. Это был архив моей жизни. Вернее, той жизни, которую я считала своей. И сейчас, обводя его взглядом, я видела не дорогие вещи, а улики. Улики двадцатилетней давности, свидетельствующие против меня самой.

Вот висит кашемировый костюм-двойка цвета топленых сливок. Моя униформа «идеальной жены» для родительских собраний и дневных благотворительных чаепитий. В нем я с ангельской улыбкой убедила директора школы, что его идея

«инновационных» поборов с родителей — не более чем дурно пахнущая авантюра, которая может стоить ему должности. В этом костюме я была безупречна, респектабельна и абсолютно асексуальна. Как мебель. Дорогая, удобная, незаметная мебель. Я мысленно представила, как Артур смотрит на этот костюм. Он бы одобрил. «Очень элегантно, дорогая». Элегантно — на его языке это означало «безопасно».

Пальцы скользнули дальше, к летящему шелковому платью с цветочным принтом. Я надевала его прошлым летом на прием в саду у Анциферовых. Вечер, когда Артур, слегка перебравший с виски, едва не оскорбил главного редактора Forbes, назвав его журнал «бульварным чтивом для стареющих клерков». Я помню, как подошла к ним, как впорхнула в их разговор, словно бабочка, как коснулась руки Артура и с нежной улыбкой увела его, щебеча что-то о прохладном вечере. Я спасла его. Снова. Это платье было костюмом «дипломата», «миротворца». Я посмотрела на нежные акварельные пионы на ткани. Теперь они казались мне ядовитыми.

Все это — гардероб функции. Не женщины.

Мой взгляд остановился на чехле в самом дальнем углу, почти забытом. Я купила это платье три года назад. В Милане. Артур был на каком-то очередном симпозиуме, а у меня выдался свободный день. Я забрела в маленький, несетевой бутик, где хозяйка, пожилая синьора с лицом римской матроны, не говорила по-английски. Она молча сняла с вешалки это платье и протянула мне.

Я растегнула молнию на чехле.

Тяжелый, холодный шелк цвета самого темного, почти черного изумруда хлынул мне в руки. Яд, разлитый по ткани. Глухой, закрытый ворот, длинные, узкие рукава. Никакого намека на декольте. Но ткань... она облегала тело так, что не оставляла простора для воображения, превращая его в живую, текучую скульптуру. Это было платье не для жены. Это было платье для королевы или для вдовы.

Я тогда не решилась его надеть. Помню, как примерила его для Артура. Он брезгливо сморщил нос, как делал всегда, когда что-то не соответствовало его картине мира. «Слишком мрачно, Реджи. Похоже на наряд для вдовы». Наряд для вдовы. Именно поэтому я его и спрятала. И именно поэтому я надену его сегодня.

Я скинула с себя домашний кашемир, который вдруг показался мне жалким и бесформенным, как кожа, сброшенная змеей. На мгновение я застыла перед зеркалом. Бледная, обнаженная женщина с темными кругами под глазами и жесткой, негибкой линией плеч. Жертва. Так, наверное, выглядела бы жертва, если бы у нее в руке был зажат осколок стекла.

Платье скользнуло по телу, обняв его холодом. Я повернулась к зеркалу. Ткань ожила. Она струилась, мерцала, поглощала свет. Она не кричала о сексуальности, как вульгарная фуксия на теле Миланы. Она шептала о власти, о тайне, о глубине, в которой можно утонуть. Я вспомнила ли-

цо «эффективного менеджера», её наглую позу, её выверенное тело размера XS. Она была как неоновая вывеска дешевого бара. Яркая, зазывающая, пустая. Мое оружие было иным. Безупречный, убийственный стиль. Аристократизм, который нельзя купить, даже если ты спишь с владельцем клиники.

Я села за свой туалетный столик. Тройное венецианское зеркало, обрамленное потускневшим золотом, отразило три одинаково бледные, решительные версии меня. Мой алтарь. Мой хирургический стол. Мой командный пункт. Десятки баночек, флаконов, кистей — все на своих местах, как инструменты в операционной.

Первым делом — очищение. Я взяла ватный диск, пропитала его мицеллярной водой и медленно, методично протерла лицо. Это был не гигиенический ритуал. Это было символическое действие. Я стирала с кожи следы утреннего унижения, соленый привкус непролитых слез, фантомное ощущение его лживых губ на моей щеке. Я смывала старую Регину. Наивную, доверчивую, слепую. Женщину, которая позволила превратить себя в предмет интерьера. Кожа под диском стала чистой, беззащитной, готовой к трансформации.

Затем — база. Я выдавила на тыльную сторону ладони каплю праймера с эффектом шелка. Холодная, скользкая субстанция. Я нанесла ее на лицо, и она мгновенно заполнила каждую пору, каждую тончайшую морщинку у глаз, которую я заработала, улыбаясь не тем людям. Это была грунтов-

ка, как у реставратора перед тем, как начать восстанавливать картину. Соккрытие всех дефектов, всех трещин, нанесенных временем и предательством. Создание идеального, гладкого холста, на котором можно нарисовать любое лицо.

Следующий шаг — тональный крем. Я смешала два оттенка: «слоновая кость» и «фарфор». Мне не нужен был здоровый румянец. Мне нужна была аристократическая, почти неживая бледность. Я работала спонжем, вбивая крем в кожу, а не размазывая. Методично, дюйм за дюймом. Подбородок. Щеки. Лоб. Я смотрела, как исчезает мое собственное лицо, как оно превращается в безупречную, непроницаемую маску. Теперь ни один мускул не дрогнет, ни один предательский румянец не выдаст ярости, бушующей внутри.

Консилер. Я называла его про себя «корректором реальности». Легкими прикосновениями кисти я замазала синеву под глазами — улики бессонных часов, проведенных в попытках сложить пазл из его лжи. Каждый мазок был актом фальсификации, стиранием улик. Я не просто скрывала усталость. Я создавала алиби. Эта женщина не страдала. Эта женщина спала сном праведницы.

Пудра. Легчайшая, почти невесомая вуаль. Я набрала ее на большую пушистую кисть и прошлась по всему лицу. Это был финальный аккорд в создании маски. Она закрепила ложь, сделала ее матовой, непроницаемой для света софитов и любопытных взглядов. Теперь мое лицо — фарфоровая тарелка. Красивая, холодная, гладкая. И если ее уронить,

она не согнется. Она разобьется на сотни острых, как бритва, осколков.

Теперь, когда холст был готов, пришло время стать художником. Хищником.

Я взяла палетку для скульптурирования. Темный, холодный оттенок. Скошенная жесткая кисть. Я не стала мягко подчеркивать скулы. Я провела под ними резкую, почти грубую линию и растушевала ее. Мое лицо мгновенно утратило мягкость, которую придают годы счастливого (как мне казалось) замужества. Оно стало жестким, графичным, хищным. Я заострила линию подбородка, сузила крылья носа. Я не улучшала себя. Я высекала из податливого материала совершенно новое существо.

Глаза. О, сегодня глазам предстояла главная роль.

Я взяла черный, идеально заточенный карандаш. Он был похож на стилет. Я провела линию по самому краю ресниц. Тонкую, безжалостную. И вывела ее в длинную, острую стрелку. Это была не кокетливая стрелка в стиле пятидесятых. Это был указатель. Направление атаки. Затем я взяла тени. Не мерцающие, не игривые. Глубокие, матовые, цвета мокрого асфальта. Я растушевала их, создавая тень, глубину. Я рисовала взгляд, из которого вынули душу, оставив только интеллект и ледяную ярость.

Тушь. Два слоя. Мои ресницы стали густыми, длинными, черными. Они были похожи на траурную бахрому на бархатном занавесе театра, где сегодня дадут премьеру трагедии.

И наконец, губы. Финальный, кровавый росчерк.

Из десятка помад я выбрала одну. Она лежала в своей золотой гильзе, как пуля. Винный, почти черный оттенок красного. Цвет запекшейся крови. Я обвела контур карандашом в тон, с хирургической точностью создавая идеальную, безупречную линию. Никакой мягкости, никакой расплывчатости. Затем я заполнила контур цветом. Медленно. Слой за слоем. Мои губы превратились в произведение искусства. Они больше не были созданы для поцелуев. Они были созданы, чтобы произносить приговоры.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на три отражения в зеркале. На меня смотрели три незнакомки. Прекрасные, пугающие, неживые. Словно три богини мщения, сошедшие с фриза античного храма.

Представление было почти готово. Не хватало последней детали. Короны.

Я встала и подошла к встроенному в стену сейфу. Комбинация — дата смерти моей матери. Единственная дата, которую Артур никогда бы не смог ни угадать, ни узнать, потому что никогда ею не интересовался. Тяжелая дверь поддалась с тихим щелчком. Внутри, на полке, обитой темно-зеленым бархатом, лежала шкатулка. Тоже из бархата, того же цвета. Фирменная коробка ювелирного дома «Graff».

Я достала ее. Она была тяжелой, основательной. Внутри, на белоснежном шелке, покоилось фамильное кольцо Вронских. Подарок Артура на десятую годовщину свадьбы. Ши-

рокая лента из платиновых звеньев, усыпанных бриллиантами, с крупным центральным камнем грушевидной формы.

Холодные, безжизненные огни побежали по граням, когда я подняла его. Я застегнула замок на шее. Металл и камни мгновенно стали ледяными, их холод проникал в самую кровь. Колье легло на ключицы тяжелой, властной змеей.

Я смотрела на себя в зеркало. На эту ослепительную, холодную красоту. Я думала о том, что это не просто украшение. Это — моя доля. Моя плата за двадцать лет жизни, отданных этому человеку. За двоих сыновей, которых я ему родила. За тысячи обедов. За сотни спасенных им репутационных катастроф. За молодость, которая ушла незаметно, пока я полировала его нимб. Это была моя компенсация. Я еще не знала, какой смехотворной, какой оскорбительной была эта компенсация на самом деле. Но в тот момент, в моих глазах, это кольцо было символом. Символом того, что я не уйду с пустыми руками.

Я выпрямила спину. Тяжесть кольца заставляла держать голову высоко.

Я была готова.

Я в последний раз окинула взглядом отражение. Идеальная, безупречная, пугающе спокойная женщина в изумрудном шелке, увенчанная ледяным сиянием бриллиантов. Я медленно, очень медленно улыбнулась. Уголки моего кроваво-красного рта поползли вверх, но глаза остались абсолютно холодными. Получился оскал хищника, который дол-

го выслеживал добычу и, наконец, приготовился к прыжку.

Именно в этот момент снизу донесся новый звук. Не приглушенный смех персонала, не звон посуды. Это был гул голосов. Мужских и женских. И поверх них — тихая, ненавязчивая музыка саксофона.

Первые гости.

Мое поле боя заполнилось зрителями.

Я подошла к двери своей гардеробной. Моего убежища. Моей операционной. За ней был мир, который я построила и который теперь должен был рухнуть. Я положила ладонь на холодную металлическую ручку.

И открыла дверь.

Шум праздника, смешанный с приторным, трупным запахом лилий, ударил в лицо. Воздух в холле был теплым и влажным от дыхания десятков людей — совсем не та разреженная, холодная атмосфера моей гардеробной. Я сделала вдох, словно ныряльщик перед погружением в мутную воду, и сделала первый шаг им навстречу. Прямо в центр этого гудящего улья, в яркий свет, под взгляды десятков людей.

Шаг.

Еще один.

Занавес поднят. Представление началось.

Глава 5

«...просто богиня! Нет, правда, Регина, ты сегодня — чистое убийство!»

Голос принадлежал Елене Вольской, женщине, чей энтузиазм всегда был прямо пропорционален количеству выпитого шампанского. Я заставила себя сфокусировать на ней взгляд, отрывая его от созерцания мужа, вещавшего что-то перед нейу камина. Я стояла в центре своей гостиной уже минут десять, но ощущала себя призраком. Гости обтекали меня, как вода — скалу. Они видели лишь безупречное изумрудное платье и ледяной блеск бриллиантов. Никто не видел трещин в фундаменте.

«Спасибо, Леночка, — мой голос прозвучал так, как было нужно: ровно, с выверенной долей светской теплоты. — Секрет прост. Я просто решила избавиться от всего лишнего, что отравляло мне жизнь».

Я улыбнулась, глядя поверх её плеча, затянутого в кричаще-розовый шелк, точно в ту точку, где рука Артура на долю секунды задержалась на талии Миланы. Жест был мимолетным, почти невидимым, но для меня он прозвучал громче, чем музыка саксофона. Это был жест хозяина, проверяющего сохранность своего нового приобретения.

Елена хихикнула, не уловив второго дна, и отплыла, уносимая потоком гостей. А я осталась. Скала. Ледяная глыба

в центре этого бурлящего, теплого, пахнущего дорогим парфюмом и ложью человеческого моря.

Я сделала крошечный глоток шампанского. Ледяные, колющие пузырьки взорвались на языке, и этот физический шок помог мне закрепить маску. Я была не Региной. Мой взгляд, отточенный двадцатилетием социальных войн, работал как высокоточный прибор, фиксируя малейшие аномалии.

У Анциферова, нашего главного инвестора, поблескивал лоб. Мелкие капли пота собирались у линии роста волос, готовые сорваться и прочертить соленую дорожку по его самодовольному лицу. Он пил виски так, словно это было лекарство от рака, а не двенадцатилетний односолодовый. Быстрыми, жадными глотками, будто пытался залить пожар у себя внутри. Я мысленно поставила галочку. Артуру стоит держаться от него сегодня подальше.

А вот и сама госпожа Анциферова, похожая на ожившую фарфоровую статуэтку, накачанную ботоксом до полной потери мимики. Она делала вид, что слушает щебетание какой-то дебютантки, но её глаза, единственное живое, что осталось на лице, жили своей отдельной, хищной жизнью. Они были прикованы к молодому саксофонисту. В этом идеально убранном доме, в этом храме благопристойности, пахло не только лилиями. Пахло отчаянием, похотью и просроченными кредитами. Каждый в этом зале — это идеально упакованный, ходячий набор компромиссов и пороков. Их

улыбки были наклеены так же надежно, как виниры, а под дорогими тканями их сердца стучали морзянкой страха, долгов и измен. Мой муж идеально вписывался в эту коллекцию.

Мой взгляд вернулся к нему. Артур был в своей стихии. Сияющий, загорелый, в безупречно сидящем костюме, он был солнцем, а остальные — планетами, вращающимися по своим орбитам. Милана, его новая планета, держалась чуть поодаль, но я чувствовала гравитационную связь между ними. Она что-то показывала на экране своего планшета, и когда он наклонился, чтобы посмотреть, их головы на мгновение слились в одно дуиликое, самодовольное существо.

Я ждала укола боли. Ждала, что спазм сожмет горло, что руки начнут дрожать. Но ничего не было. Пустота. Холодное, отстраненное любопытство ученого, наблюдающего за брачными играми редких, ядовитых насекомых. Я поняла, что человек, которого я любила, умер. Может, год назад. Может, пять. А это — просто его оболочка, красивая, шумная, пустая. Фантом, который по какой-то причине всё ещё отбрасывал тень в моем доме.

Я почувствовала на плече руку. Прикосновение было мягким, но в нем была тяжесть. Тяжесть камня, который кладут на могилу, чтобы покойник не выбрался наружу.

«Региночка, милая. Какая же ты... Собралась. Выглядишь потрясающе. Хотя, наверное, вымоталась вся, готовя этот праздник для Артура?»

Голос Изольды. Моей лучшей подруги. Голос, похожий на

мед, в который подмешали толченное стекло. Каждое слово было пропитано приторным, фальшивым сочувствием. Одним этим «для Артура» она низвела меня до функции, до обслуживающего персонала.

Я медленно повернулась. За её спиной, как стая поддержки, застыли Лиза и Марина. Они пришли не праздновать. Они пришли посмотреть на казнь.

Я посмотрела Изольде прямо в глаза. Я видела не просто знание. Я видела предвкушение. Радость падальщика, первым добравшегося до ещё тёплого тела. В её зрачках, расширенных от возбуждения, отражались огни хрустальной люстры, и я прочитала свой приговор.

Я не стала стряхивать её руку. Вместо этого я накрыла её холодной ладонью своей, превращая жест покровительства в капкан. Её пальцы дрогнули под моими.

«Что ты, Иза, — мой голос был тихим, почти интимным, заговорщицким. — Какая усталость? Наоборот. Невероятный прилив сил».

Я улыбнулась. Не глазами. Только губами. Кроваво-красными, четко очерченными губами.

«Знаешь, это как... как провести генеральную уборку и выкинуть старый, надоевший хлам, который только собирал пыль и занимал место. Сразу дышится легче».

Мой взгляд скользнул за её плечо, в сторону Артура, и вернулся обратно, впиваясь в её сузившиеся зрачки. Улыбка на лице Изольды застыла, а потом начала медленно таять,

как восковая. Она поняла. Это был не крик о помощи. Это был первый залп.

«И потом, — продолжила я тем же тихим, доверительным тоном, — это же не похороны, а юбилей. Хотя...»

Я сделала театральную паузу, давая им возможность в полной мере насладиться моментом.

«...смотря для кого».

Иза отдернула руку, словно обожглась.

«Мне... мне нужно найти мужа», — пробормотала она, и в её голосе уже не было ни капли меда, только сухое шуршание.

Она развернулась скомканно, как-то боком, и почти бегом устремилась в толпу. Лиза и Марина, как две тени, метнулись за ней. Стая распалась.

Я осталась одна. Допила шампанское одним глотком. Пустой бокал в моей руке ощущался легким, как душа Изольды. Я отставила его и взяла новый, полный. Холодная ярость кристаллизовалась в чистую, спокойную мысль. Изольда и ей подобные — это всего лишь шакалы, которые сбегутся на запах крови. Они не цель, они — симптом. Настоящие цели — те, кто держит моего мужа на плаву. Те, чьи деньги он собирается пустить на строительство "нового гнезда".

Мой мозг, превратившийся в ледяной калькулятор, начал перебирать список гостей. Кто следующий?

Взгляд остановился на Семене Аркадьевиче. Том самом, что назвал меня «богиней». Сейчас он стоял у дальней сте-

ны, рядом с какой-то юной старлеткой в платье, которое едва прикрывало её амбиции. Он что-то шептал ей на ухо, и она смеялась — громко, запрокинув голову, демонстрируя идеальные зубы и длинную шею. Его жена, моя ровесница, в это время в другом конце зала обсуждала с кем-то преимущества новой швейцарской клиники детокса. Классическая мизансцена.

Я вспомнила обрывки фраз из документов, которые нашла в портфеле Артура. «Проект "Инновация"». Список потенциальных инвесторов. Семен Аркадьевич был в самом верху списка, с пометкой «обработать, почти готов».

«Тепленький», — пронеслось в моей голове.

Я знала Семена. Он был азартен, падок на лесть и красивые обещания быстрой наживы. Но больше всего на свете он боялся двух вещей: налоговой инспекции и своей жены, которая держала в руках контрольный пакет их семейного бизнеса.

Мои губы тронула легкая, едва заметная усмешка. Она не имела ничего общего с вежливостью. Это был оскал.

Я поправила несуществующую складку на платье, провела пальцами по холодному колю на шее и сделала первый шаг в его направлении. Медленный, выверенный, как ход королевы на шахматной доске.

Шахматная партия, о которой никто, кроме меня, не подозревал, началась. И это был мой ход.

Глава 6 (Артур)

Идеально. Слово, которое пульсирует в висках вместе с ритмом саксофона и тихим, дорогим стуком льда о хрусталь. Оно не просто слово, это — состояние. Физическое ощущение. Как гул идеально настроенного двигателя Maybach. Как безупречная линия на кардиограмме абсолютно здорового, а значит, вечно молодого сердца. Моего сердца.

Я стою, прислонившись плечом к прохладному мрамору камина, и наблюдаю. Я — не участник. Я — создатель. Этот зал, эти люди, этот гул одобрения — все это эманация моей воли. Десять лет. Десять лет назад я был просто талантливым хирургом с хорошими руками и большими амбициями. Сегодня я — бренд. Артур Вронский. Звучит. Весомо. Как слиток платины, упавший на бархат.

Мой взгляд, как сканер, скользит по толпе. Я не вижу лиц, я вижу функции, диагнозы, балансовые отчеты. Вон Анциферов, наш главный инвестор. Лоб блестит от пота, как дешевый лак на старом паркете. Он слишком часто прикладывается к стакану с двенадцатилетним Glenmorangie. Он пьет не для удовольствия. Он заливает страх. Я знаю, что его «инновационный» строительный проект трещит по швам. Еще пара таких вечеров, пара моих ободряющих рукопожатий, и он вложит в «Вронский-Эстетикс» последние резервы, просто чтобы прикоснуться к чему-то по-настоящему успешно-

му. К чему-то, что не тонет. Ко мне.

Рядом с ним его жена, Алина. Фарфоровая кукла, которой так усердно кололи ботокс, что она разучилась не только хмуриться, но и, кажется, думать. Единственное, что в ней осталось живого — глаза. И эти глаза сейчас, не мигая, пожирают молодого саксофониста. В них — голод. Отчаянный, сорокапятилетний голод женщины, чья единственная функция — быть красивым приложением к кошельку мужа. Жалкое зрелище. Хотя, надо отдать должное, для своих лет она выглядит... законсервированной. Мои косметологи — гении.

Я делаю глоток. Виски обжигает горло теплом и самодовольством. Это вкус победы.

И вот тогда мой взгляд натывается на нее. На Регину.

Она стоит в центре зала, и вокруг нее на мгновение образуется пустота. Как вокруг произведения искусства в музее, к которому боятся подойти слишком близко. Это ее странное платье, цвета темного, ядовитого изумруда. Оно глухое, закрытое, но этот шелк... он обтекает ее фигуру так, что становится почти непристойно. Она выглядит... опасно. Как королева, которая только что подписала смертный приговор и вышла к гостям с безупречной улыбкой.

И меня накрывает волна глухого, иррационального раздражения.

Она идеальна. Черт побери, до тошноты, до скрипа зубов — идеальна. Она — мой самый успешный проект. И мой

самый большой провал.

Я взял за основу хороший материал — умная, породистая, с правильным воспитанием. На мгновение, как вспышка неисправной лампы, я вспоминаю ее другой — лет двадцать назад, в пыльной мастерской, с горящими от азарта глазами, склонившуюся над треснувшим холстом. Она говорила что-то о том, как важно сохранить душу вещи, а не просто ее блеск. Какая трогательная, какая нерентабельная наивность. Я искоренил эту страсть, как искореняют сорняки. Я убрал все лишнее: ее слишком живые, эмоциональные реакции, ее мнение, которое она поначалу пыталась высказывать. Я отполировал ее, вставил в правильную раму и повесил на самое видное место. Идеальная жена. Функция, выполненная на сто двадцать процентов.

И что в итоге?

В итоге я смотрю на нее и чувствую ту же эмоцию, что и при виде моего первого, безнадежно устаревшего Vertu. Когда-то он был символом статуса. А сейчас — просто мертвый, тяжелый кусок металла. Артефакт из прошлого.

Она — аналоговая в моем цифровом мире. Она — классическая музыка в плейлисте с жестким техно. Тяжелый фолиант в кожаном переплете, когда все давно читают с экрана. Я смотрю на нее и вижу прошлое. Свое прошлое. Те двадцать лет, которые я потратил на строительство этой золотой клетки. И я понимаю, что клетка стала мне тесна. Ее совершенство больше не отражает мой успех. Оно его тормозит.

Я чувствую ее раньше, чем вижу.

И это — не запах. Это анти-запах. Противоядие от удушающей, приторной вони лилий, которая пропитала этот дом, этот брак. Это резкий, озоновый аромат жизни после грозы, запах чистого, напряженного тела и чего-то дерзкого, цитрусового.

— Артур Сергеевич, — ее голос низкий, с хрипотцой, которая заставляет что-то внутри сжиматься в тугой узел.

Я оборачиваюсь. Милана.

На ней это ее платье цвета фуксии. Вызывающее. На грани фола. Оно облегает ее так, что я вижу каждую мышцу. Результат сотен часов в спортзале. Она — не просто красивая женщина. Она — боевая машина. Она — воплощение воли. Моей воли.

— Кажется, сегодня вы здесь единственный, кто управляет гравитацией, — говорит она вместо приветствия, и ее губы изгибаются в усмешке.

— Я всего лишь создаю условия, Милана, — говорю я, понижая голос. — А гравитация — это уже побочный эффект.

Она смеется. Тихо, но так, что у меня по спине бегут мурашки.

— Наш. Но дирижер сегодня — вы.

Она якобы показывает мне что-то на экране планшета — список VIP-гостей, которые подтвердили участие в завтрашнем закрытом семинаре. Но я не вижу букв. Я вижу ее руку. Тонкие, сильные пальцы. Ногти без дурацкого лака, ко-

ротко остриженные. Рука спортсменки. Рука хищницы.

— Кстати, — шепчет она, наклонившись так, что ее волосы касаются моей щеки, — жена Анциферова только что пыталась засунуть свой номер телефона в карман саксофонисту. Кажется, у кого-то сегодня вечером будет незапланированный апгрейд.

Я усмехаюсь. Какая пошлая, какая восхитительная наглость. Регина бы сделала вид, что не заметила. Или, что еще хуже, подошла бы и с ледяной улыбкой разрулила ситуацию. А Милана — она видит гниль и наслаждается ею. Так же, как и я.

Она — мое зеркало. Не то, что висит в золоченой раме и отражает скучную, респектабельную жизнь. А то, которое я прячу. Кривое, карманное, в котором я вижу себя настоящего. Голодного, циничного, живого.

Все эти годы я боролся со старением. Интервальное голодание, капельницы, тренировки на износ. Я превратил свое тело в лабораторию. Но все это — лишь попытка отсрочить неизбежное. Ремонт.

А Милана — это не ремонт. Это полная замена. Перерождение. Рядом с ней мой биологический возраст обнуляется. Я смотрю на проект пентхауса, который мы вместе выбрали. На эту огромную кровать, на панорамные окна. Я вижу не просто квартиру. Я вижу новую точку отсчета. Новую жизнь, в которой нет места антикварной мебели и запаху похоронных цветов. Там будет запах секса, денег и будущего.

— Мне нужно идти, — шепчет она, и ее пальцы на мгновение сжимают мое предплечье. — Нужно проконтролировать журналистов. Не дай им бог перепутать фамилию нового швейцарского инвестора.

Она уходит, и оставляет после себя фантомную боль в том месте, где были ее пальцы, и звенящую пустоту.

Я делаю еще один глоток виски. Он кажется безвкусным.

Я снова смотрю на Регину. Она — живое воплощение моего прошлого. Успеха двадцатилетней давности. Памятник, который я сам себе воздвиг. Но кто, скажите на милость, живет рядом с памятником?

Решение, которое зрело, колебалось, которое я откладывал, вдруг становится кристально ясным. Твердым и холодным, как лед в моем стакане.

Сегодня.

Это нужно сделать сегодня. На пике. Когда весь этот город лежит у моих ног. Я не буду ничего объяснять. Объяснения — для слабых. Я просто поставлю ее перед фактом. Мы — бизнес-проект. И этот проект закрывается. Я — главный акционер, и я принял решение о смене генерального директора.

Она поймет. Она слишком умна, чтобы не понять.

Я представляю себе ее лицо. На нем не будет слез. Нет. Будет шок. Потом — холодная, ледяная ярость. Та самая, которую я так старательно выпаривал из нее все эти годы. Что ж, может, это и к лучшему. Я делаю ей одолжение. Я даю

ей свободу.

Я допиваю виски. Лед тихо звякает о пустые стенки бокала. Звук финала.

Ампутация.

Иногда это единственный способ спасти организм от распространения некроза. Процедура будет быстрой. И почти безболезненной.

Для хирурга.

Глава 7

«...а теперь, дамы и господа, момент, который, я уверен, мы все ждали с особым трепетом. Слово для поздравления предоставляется не просто супруге нашего юбиляра. Слово предоставляется его музе, его верной опоре, его надежному тылу, женщине, чья мудрость и красота все эти десять лет освещали путь нашего дорогого Артура. Встречайте, Регина Вронская!»

Голос ведущего, нанятого за неприличные деньги модного импресарио, был сладким и тягучим, как перегретая карамель. Он лился из динамиков, заполняя пространство моей гостиной, и в нем было столько фальшивого, профессионального пафоса, что у меня на мгновение свело зубы. «Муза». «Опора». «Тыл». Весь этот пошлый набор эпитетов, которым общество награждает женщину, согласившуюся добровольно стать красивой рамкой для чужой картины.

Сотни голов, как послушные подсолнухи, повернулись в мою сторону. Сотни пар глаз — любопытных, завистливых, сочувствующих, злорадных — сфокусировались на мне. Зал, мгновение назад гудевший, как растревоженный улей, затих. Даже саксофонист, чьи меланхоличные переливы весь вечер служили фоном для пустых разговоров, взял последнюю, затихающую ноту и замолчал.

Мир сузился. Он схлопнулся до крошечного пятка пар-

кета, на котором я стояла, и помоста у камина, куда мне предстояло взойти. Время не просто замедлилось, оно превратилось в прозрачный, но вязкий кристалл, в котором каждое движение требовало усилия, как у застывающего в янтаре доисторического насекомого.

Внутри меня не было страха. Страх, унижение, боль — все это сгорело без остатка в топке ледяной ярости, которая бушевала во мне последние несколько часов. Остался только холод. Чистый, звенящий, абсолютный ноль по Кельвину. Я была не жертвой, идущей на закляние. Я была хирургом, идущим на сложнейшую операцию. И в моей руке был не бокал с шампанским, а скальпель.

Я сделала первый шаг.

Платье из тяжелого, иссиня-зеленого шелка послушно качнулось в такт моему движению, обтекая бедра. Бриллиантовое кольцо на шее качнулось тоже, послав в толпу сноп холодных, безжизненных искр. Я шла сквозь расступавшуюся толпу, и это был не просто путь к микрофону. Это был мой путь через чистилище. Я шла сквозь двадцать лет своей жизни, мимо живых экспонатов моего личного музея восковых фигур.

Вот Семен Аркадьевич, владелец сети строительных гипермаркетов. Его лицо, красное от виски и жадности, изображало восторженное внимание. Он смотрел на меня, но я знала, что он видит не меня. Его мозг, заточенный под калькуляцию, сейчас прикидывал, сколько стоят бриллианты на

моей шее и можно ли будет использовать их как залог, когда его финансовая пирамида, которую он гордо именовал «венчурными инвестициями», окончательно рухнет. Он был одним из тех, на кого Артур поставил в своем «Проекте "Иновация"». «Почти готов», — гласила пометка в бумагах. Сегодня я собиралась его доготовить.

А вот его жена, Людмила. Она смотрела на меня с плохо скрываемой завистью. Она завидовала не моему платью и не моему дому. Она завидовала моему мужу. Не потому, что любила его. А потому, что мой муж, в отличие от ее, еще не успел проиграть в покер половину семейного состояния и не был пойман на прослушке, где обещал молодой старлетке «решить вопрос с ролью» через постель. Я улыбнулась ей. Самой теплой, самой искренней из моих фальшивых улыбок. Она растерянно моргнула и улыбнулась в ответ.

Мой взгляд скользнул дальше. Изольда. Она стояла в компании своих прихлебательниц, Лизы и Марины, и делала вид, что поправляет прическу. Но я видела, как она следит за мной в отражении антикварного зеркала на стене. В ее глазах больше не было злорадства. Теперь там был страх. Она, как опытная крыса, почуяла, что на этом корабле изменилось не только настроение капитана, но и курс. И этот новый курс ей инстинктивно не нравился.

Я шла, держа спину так прямо, словно к моему позвоночнику привязали стальной прут. Я чувствовала себя королевой, идущей на собственную коронацию. Или на казнь. В мо-

ем положении это было почти одно и то же.

И вот я увидела их. Главных зрителей моего сегодняшнего спектакля.

Артур стоял у самого помоста. Он смотрел на меня с той самой покровительственной, снисходительной нежностью, которую я так хорошо знала. Это был взгляд владельца породистой лошади, которая вот-вот должна была взять главный приз на скачках. Он был уверен во мне. Уверен, что я сейчас исполню свою партию — партию любящей, обожающей, благодарной супруги — и добавлю еще один бриллиант в его и без того сияющую корону. Он ждал дифирамбов. Какое же чудовищное, какое восхитительное заблуждение.

Милана стояла чуть поодаль, в тени огромной, пахнущей тлением цветочной композиции. Она не улыбалась. Она наблюдала. На ее лице была написана смесь триумфа и легкого, снисходительного любопытства. Так победительница смотрит на побежденную соперницу, которая должна исполнить последний, унижительный ритуал — ритуал публичного признания своего поражения. Она была уверена, что сейчас я произнесу речь, которая станет моей капитуляцией. Что я передам ей эстафетную палочку, благословлю их союз и тихо удалюсь в тень, в списанные активы, в прошлое.

Наши взгляды встретились на долю секунды. Я не отвела глаз. Я просто смотрела. Пусто. Холодно. Как смотрят на насекомое, попавшее в янтарь. В ее зрачках что-то дрогнуло. Ей стало неудобно. Хорошо.

Я поднялась на невысокий помост. Ведущий с раболепной улыбкой протянул мне микрофон. Металл был холодным. Тяжелым. Как рукоять оружия.

Я обвела зал взглядом. Все лица слились в одно размытое, ожидающее пятно. Я сделала вдох. Идеально скроенное платье не давало дышать полной грудью, и это было кстати. Мне не нужен был кислород. Мне нужна была выдержка.

— Добрый вечер, дорогие друзья, — мой голос прозвучал чисто, без единой дрожащей ноты. Он был чуть ниже, чем обычно. Бархатный, обволакивающий. Голос женщины, абсолютно уверенной в себе. — Добрый вечер.

Я сделала паузу, давая тишине загустеть.

— Для меня огромная честь стоять сегодня здесь, перед вами, и видеть ваши лица. Лица людей, которые были с нами все эти десять лет. Десять лет — это так много и так мало. Я помню, как все начиналось. С мечты. С одной-единственной, но очень дерзкой мечты моего мужа. Мечты о месте, где красота и молодость перестанут быть даром природы, а станут результатом науки и воли.

Я говорила медленно, чеканя каждое слово. Публика слушала, затаив дыхание. Я видела, как расслабилось лицо Артура. Это было то, что он хотел услышать. Классическое, пафосное начало. Я подбрасывала ему наживку.

— Все эти годы я с восхищением наблюдала за Артуром. За тем, как он строил эту империю. И я поняла, в чем секрет его успеха. Он не в таланте, хотя он, без сомнения, самый

талантливый хирург, которого я знаю. Секрет — в его безжалостной верности будущему. В его умении никогда, ни на секунду, не оглядываться назад.

Я повернула голову и посмотрела на Артура. И улыбнулась ему.

— Артур всегда учил меня, что главный враг любого роста, любого развития — это стагнация. Застой. Привязанность к старому. И он никогда не боялся... *обновлений*.

Я произнесла это слово — «обновлений» — чуть громче, с едва заметным нажимом. Гости одобрительно закивали. Конечно. Инновации, новые технологии. Я видела, как в глазах Семена Аркадьевича загорелся огонек алчности. А Артур... улыбка на его лице застыла. Она все еще была там, но она стала стеклянной. Я заметила, как желвак на его скуле дернулся один раз, потом другой. Мелкая, неконтролируемая судорога, которую не скрыть ни загаром, ни ботоксом. Он услышал.

— Он никогда не боялся смелых, порой даже болезненных решений, — продолжала я, не сводя с него глаз. — Не боялся избавляться от *устаревших активов*, которые больше не приносят прибыли и тормозят движение вперед.

В зале послышались одобрительные смешки. Мужчины, финансисты, дельцы — они прекрасно понимали этот язык. Язык списаний и утилизации. И только двое в этом зале знали, что главным «устаревшим активом» сегодня была я. Улыбка Артура превратилась в неподвижную маску.

— Он всегда говорил: чтобы построить что-то по-настоящему новое, нужно быть готовым инвестировать. Инвестировать в то, что только-только выходит на рынок. Во все *новое, молодое и перспективное*.

Теперь я смотрела прямо на Милану. Она перестала прятаться в тени цветов. Она стояла, выпрямившись, и ее лицо, такое самоуверенное мгновение назад, стало жестким и настороженным. Она поняла, что это — не панегирик. Это — публичная порка.

Я снова повернулась к залу.

— Знаете, моя профессия — реставратор. Я привыкла работать со старыми, порой почти разрушенными вещами. И я, как никто другой, знаю, как важна подготовка. Как важно перед нанесением нового, свежего, блестящего слоя краски полностью, до самого основания, *зачистить* старую основу.

Я сделала еще одну паузу. Тишина в зале стала почти осязаемой.

— Зачистить безжалостно. Снять все до самого дерева. Только так новое покрытие ляжет идеально и будет держаться долго. Мой муж, хоть он и не художник, — гений такой *зачистки*. В этом его главный талант. Он создает идеальную поверхность для новой жизни.

Мой голос был спокоен, но в нем звенела сталь. Артур побледнел. Под слоем дорогого солярия проступила мертвенная серость. Он смотрел на меня взглядом человека, который понял, что змея, которую он пригрел на груди, не просто

проснулась, а оказалась ядовитой.

— И последнее, — сказала я, и мой голос стал еще тише, еще доверительнее, заставляя весь зал наклониться вперед, чтобы расслышать. — Говорят, за каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Это банальность. Я думаю, за Артуром стоит нечто гораздо большее. Его совершенно уникальный, поразительный дар. Дар... *приручать*.

Я снова искала взглядом Милану. Она стояла неподвижно, как статуя.

— Он может найти подход к любому. Он видит потенциал там, где другие видят лишь хаос. Он может взять самое... — я сделала микроскопическую паузу, давая яду впитаться, — ...самое *дикое и хищное создание*... и заставить его работать. Не на себя. А на благо империи. Превратить необузданную энергию в полезный, эффективный ресурс.

«Кошечка». Слово не было произнесено, но оно повисло в воздухе между нами тремя, как раскаленный добела гвоздь. Я увидела, как Милана непроизвольно сжала кулаки. Ее идеальный маникюр, вероятно, впился в ладонь. Она не ожидала удара такой силы. Она думала, что я — амеба. Бесхребетное существо. А я оказалась волчицей.

И вот теперь, когда яд был введен, пришло время для финального, милосердного аккорда.

Я подняла бокал. Моя рука не дрогнула.

— Так давайте поднимем бокалы за этого человека! За гения обновлений и мастера зачистки! За моего мужа, Арту-

ра Вронского! За его прошлое, которое позволило нам всем сегодня здесь собраться. И за его блестящее, полное новых проектов будущее! Ура!

— Ура-а-а! — подхватил зал.

Пробки от шампанского выстрелили в потолок. Зал взорвался аплодисментами, смехом, звоном бокалов. Никто. Ни одна душа в этой комнате, кроме нас троих, ничего не поняла. Они слышали лишь слова восторга и восхищения от любящей жены. Они аплодировали моему искусству, даже не догадываясь об этом.

Я спустилась с помоста. Ведущий смотрел на меня с благоговением. «Браво, Регина Павловна, это было... сильно!» — прошептал он.

Я прошла сквозь толпу, которая теперь расступалась передо мной, как вода Красного моря перед Моисеем. Я чувствовала на себе взгляды. Но теперь в них было что-то новое. Нечто, похожее на страх.

Я подошла к бару и поставила свой пустой бокал. Взяла новый, наполненный ледяным, колючим шампанским.

И только тогда я позволила себе снова посмотреть на Артура.

Он стоял на том же месте. Бледный, с перекошенным от ярости лицом. Все его самодовольство, весь его лоск слетели, как дешевая позолота. Он смотрел на меня. Не на платье, не на бриллианты. Он смотрел мне в глаза. И в его взгляде была чистая, незамутненная, дистиллированная ненависть.

Он понял все.

Я не стала отводить взгляд. Я спокойно, очень медленно, подняла свой бокал, словно повторяя тост. Только для него одного.

И улыбнулась.

Это была моя первая победа. Маленькая, бескровная, но от этого не менее сладкая.

Я сделала глоток. Шампанское обожгло горло. Вкус победы оказался стерильным, как воздух в операционной, и обжигающе-холодным. Он был бесконечно чище и честнее вкуса любви.

Глава 8

Регина

Я стояла у панорамного окна, превратившегося в черное, бездонное зеркало, и смотрела на отражение женщины, застывшей в центре позолоченной рамы. Женщина в платье цвета ночного озера, с кровавыми губами и ледяными осколками бриллиантов на шее. Королева, которая только что выиграла битву, но с ужасающей ясностью осознала, что стоит одна посреди выжженного поля. И война еще даже не началась.

За моей спиной двигались тени. Бесшумные, безликие сотрудники кейтеринговой службы, которых я теперь воспринимала не как людей, а как ликвидаторов. Они не убрали. Они заметали следы. Их белые перчатки, собиравшие в мусорные мешки липкие от пролитого шампанского салфетки и надкусанные канапе, были перчатками санитаров в морге. Они стирали отпечатки чужих жизней, чужого веселья, чужой лжи из моего дома.

Золотые конфетти, щедро рассыпанные по мрамору в финале вечера, больше не казались праздничными. В тусклом свете дежурных ламп они выглядели как позолоченный пепел. Пепел моего двадцатилетнего брака. На одном из столиков кто-то оставил бокал с отпечатком ярко-розовой помады — Елена Вольская, не иначе. Я смотрела на этот жир-

ный, вульгарный след и думала о том, что это и есть квинт-эссенция нашего общества. Оставлять свои грязные, липкие отпечатки на всем, к чему прикасаешься, и уходить, не оборачиваясь.

Я сделала крошечный глоток. Шампанское в моем бокале давно умерло. Пузырьки, эти крошечные искры жизни, испарились, оставив после себя лишь теплую, кислотоватую жидкость с привкусом разочарования. Я не чувствовала усталости. Вместо нее внутри образовалась звенящая, арктическая пустота. Тост, который я произнесла, был скальпелем. Я сделала точный, выверенный надрез, вскрыв гнойник его самодовольства. Я видела его лицо в тот момент. Смесь шока, ярости и — впервые за много лет — страха. Это была сладкая, пьянящая секунда. Но, как и у шампанского, у мести был короткий срок годности. И теперь, когда эйфория прошла, осталось лишь холодное, трезвое понимание: я объявила войну человеку, который владел всем арсеналом. А у меня в руках был только один скальпель.

И тут я услышала их.

Шаги.

Они раздались наверху, на площадке второго этажа, и тишина в доме мгновенно перестала быть просто отсутствием звука. Она стала напряженным, натянутым ожиданием. Это были не шаги человека, идущего спать. Это были шаги тюремного надзирателя, идущего на обход. Медленные, тяжелые, каждый удар кожаной подошвы о паркет — как удар

молотка, забивающего гвозди в крышку гроба.

Я не обернулась. Я продолжала смотреть в черное зеркало окна, которое теперь стало моим тактическим экраном. Вот он появился в отражении. Силуэт, вырезанный из темноты. Безупречный костюм сидел на нем, как вторая кожа. Ни единой складки. Даже после десяти часов праздника, после сотен рукопожатий и десятков выпитых бокалов, он выглядел так, словно только что вышел из рекламного буклета. Человек-функция. Идеальная машина для зарабатывания денег и уничтожения людей.

Он начал спускаться по лестнице. Неспешно. Ступенька за ступенькой. Его рука скользила по резным дубовым перилам, которые я выбирала четыре года назад на аукционе в Италии. Он не опирался на них. Он просто утверждал свое право на них. На каждую деталь в этом доме.

Мозг, работающий теперь в режиме аварийного протокола, начал просчитывать варианты. Это инстинкт, вбитый в меня годами жизни с ним. Всегда быть на два шага впереди. Просчитать его реакцию, предугадать его ход, подстелить соломку.

«Вариант А: Физическое насилие. Вероятность — 4,7%. Не его стиль. Он брезглив. Предпочитает стерильные методы. Оставит это для своих юристов».

«Вариант Б: Истерика. Крики, обвинения, битье посуды. Вероятность — 1,2%. Истерики — для женищин и слабых мужчин. Он считает себя ни тем, ни другим».

«Вариант В: Психологическое давление. Газлайтинг. Унижение. Вероятность — 94,1%».

Я сделала еще один глоток теплого шампанского. Оно было отвратительным. Я заставила себя проглотить его. Это была тренировка. Приучить себя глотать то, что отвратительно. В ближайшее время этот навык мне понадобится.

В отражении я видела, как он дошел до последней ступени. Он остановился, давая мне почувствовать его присутствие. Он хотел, чтобы я обернулась. Чтобы я проявила страх, подчинение. Я не сдвинулась с места. Я смотрела, как его отражение приближается к моему, пока они не слились в одно уродливое, двуглавое существо.

Артур

Я смотрел на ее затылок. На эту безупречную линию шеи, на высокомерный изгиб плеч, задрапированных в этот ядовито-зеленый шелк. И я чувствовал, как внутри меня закипает не просто ярость. Ярость — это горячо. Это эмоция. А то, что чувствовал я, было холодным. Это было сродни тому, что чувствует программист, обнаруживший в своем идеальном коде вирус. Наглый, разрушительный вирус, который маскировался под системный файл, а потом, в самый ответственный момент, вывел на главный экран издевательскую надпись.

Она унизила меня.

Не просто поставила в неловкое положение. Она, моя иде-

альная, отполированная, выдрессированная жена, устроила публичную экзекуцию. Она использовала мои же слова, мои принципы, чтобы выставить меня тираном и идиотом. И самое отвратительное — она сделала это так тонко, что никто, кроме нас троих, ничего не понял. Они аплодировали ей. Они аплодировали моему унижению.

Я планировал сделать это тихо. Цивилизованно. Позже. После того, как эйфория от триумфа уляжется. Я собирался сесть напротив нее, налить ей бокал вина, которое она любит, и спокойно, как партнеру по бизнесу, объяснить, что наш контракт подошел к концу. Что компания выходит на новый уровень, и для этого требуется ребрендинг и смена ключевых фигур. Я бы даже проявил великодушие. Щедрые отступные. Квартира в центре. Сохранение видимости приличий. Я делал ей одолжение. Я давал ей свободу.

Какой же я был идиот.

Я смотрел на эту несгибаемую спину и понимал, что великодушие здесь — это как давать антибиотики раковой опухоли. Бесполезно и глупо. Опухоль нужно вырезать. Без анестезии. Быстро и безжалостно. Чтобы метастазы не пошли дальше.

Я сделал шаг. Мои туфли от Zegna беззвучно ступили на мрамор. Она не вздрогнула. Она знала, что я здесь. Она ждала. Эта мысль взбесила меня еще больше. Она превратила мою импровизацию в срежиссированный спектакль, где мне отведена роль палача, а ей — благородной жертвы.

— Ты всегда умела устраивать шоу, Регина. Браво.

Мой голос прозвучал тише, чем я ожидал. Ледяной шепот. В пустом, гулком холле он был слышен в каждом углу.

Она медленно, очень медленно повернулась. На ее лице не было ничего. Ни страха, ни злости, ни раскаяния. Только эта фарфоровая, непроницаемая маска, которую я сам же ее и научил носить.

— Я училась у лучшего, — ответила она. Ее голос был ровным, без единой дрожащей ноты.

И тогда ярость окончательно кристаллизовалась в холодный, острый, как скальпель, расчет. Я сделал шаг вперед, вторгаясь в ее личное пространство, заставляя ее чуть откинуть голову назад, чтобы смотреть мне в глаза. Я хотел видеть, как ее маска треснет.

— Шоу окончено. Финальные титры, — прошипел я ей прямо в лицо, наслаждаясь каждым словом. — Наш проект закрыт. Я принял решение о полной ликвидации актива.

Я видел, как ее зрачки на долю секунды сузились. Укол. Яд пошел.

Я обвел взглядом холл. Мой холл. Мой дом. Моя собственность.

— Ты устарела, Регина. Твой функционал больше не отвечает запросам времени. У тебя ровно неделя, чтобы освободить это помещение. Свои вещи можешь забрать. Карты заблокированы с этой минуты. Машина — в сервисе. Надолго. Мой адвокат свяжется... — я сделал паузу, с наслаждени-

ем подбирая самое унижительное слово, — ...с кем-нибудь, кого ты сможешь себе позволить.

Я ждал. Ждал слез, крика, истерики, пощечины. Чего угодно. Любой реакции, которая подтвердила бы мою власть. Но она молчала. Она просто смотрела на меня. И в ее глазах, в самой их глубине, я увидел не страх. Я увидел что-то другое. Что-то холодное, темное и очень-очень древнее. Это был взгляд оценщика.

Эта ее реакция, это ее молчание, лишили меня триумфа. Я не почувствовал облегчения. Только гадливое, липкое ощущение, будто я испачкался.

Я резко развернулся. Нужно было закончить это. Поставить точку. Жирную, уродливую точку.

Я пошел к лестнице. Ноги сами понесли меня не в нашу спальню, а в гостевое крыло. Это было единственно правильное решение. Наша спальня была отравлена. Двадцатью годами лжи, которую я считал комфортом. Я дошел до двери, не оборачиваясь. Я знал, что она смотрит.

Я открыл дверь, вошел и закрыл ее за собой. Я не хлопнул ею. Я просто отпустил ручку, и мощный доводчик, который стоил как крыло самолета, сделал свое дело. Дверь захлопнулась с сухим, оглушительным звуком.

Щелк.

Как выстрел. Как звук ломающейся кости.

Контрольный.

Регина

Он стрелял словами. Тяжелыми, бронебойными. Он целился точно в сердце, но он не учел одного. В том месте, где у нормальных людей находится сердце, у меня теперь была черная дыра, которая поглощала все без остатка. Боль. Уничтожение. Страх. Все это тонуло в ней, не оставляя даже ряби на поверхности.

«Ликвидация актива».

«Освободить помещение».

«Устарела».

Слова, которые должны были меня уничтожить, почему-то не работали. Они были как пули, попадающие в вязкий, пуленепробиваемый гель. Я слышала их, я понимала их смысл, но они не причиняли боли. Вместо этого они вызвали странное, отстраненное любопытство. Так энтомолог рассматривает под микроскопом строение челюстей редкого вида муравья. Какая примитивная, какая предсказуемая конструкция.

Я слышала, как он ушел. Слышала этот финальный, оглушительный щелчок двери. Выстрел, который должен был меня добить.

Я осталась стоять посреди холла, среди остывающего запаха лилий и золотой пыли. Вокруг была тишина. Абсолютная, мертвая. И в этой тишине я поняла, что моя ледяная

броня, та самая, что держала меня на ногах весь вечер, все-таки треснула. Но под ней, к моему собственному удивлению, оказалась не рыдающая, раздавленная женщина.

Под ней оказалась арматура. Ржавая, старая, но несгибаемая.

Время потекло снова. Медленно, как густая смола.

Я не знала, сколько я так простояла. Пять минут. Час. Вечность. Первые серые, безжалостные лучи рассвета начали просачиваться сквозь огромные окна, заливая поле вчерашней битвы своим холодным, беспристрастным светом. Рассвет — самый циничный момент суток. Он безжалостно высвечивает все, что ночь так милосердно скрывала во тьме. Блестки на полу превратились в дешевую фольгу. Остатки еды на подносах выглядели жалко и сиротливо. Мой идеальный дом превратился в грязный банкетный зал после корпоратива.

И я вдруг почувствовала голод.

Не душевный, а самый настоящий, животный голод. Желудок свело спазмом. Я, которая весь вечер питалась адреналином и шампанским, вдруг захотела есть.

Я медленно, как во сне, подошла к сервировочному столу. Моему взору предстало гастрономическое кладбище. Заветренные тарталетки, подсохшие ломтики пармской ветчины, горка устриц, покрывшихся мутной пленкой. И среди всего этого — одно-единственное, нетронутое канапе, которое я заказывала специально для Анциферова, но он, увлекшись

виски, до него так и не добрался. Крошечный кружок подсушенного бородинского хлеба, горка сливочного сыра и сверху — щедрая, почти непристойная ложка черной белужьей икры.

Я взяла его. Пальцы едва заметно дрожали.

Я поднесла его к лицу. Соленый, йодистый запах ударил в ноздри. Запах денег. Запах власти. Запах той жизни, которую у меня только что отняли.

Я смотрела на эти черные, блестящие икринки. Каждая — как крошечный, глянцевого цвета глаз. И в них, как в сотне кривых зеркал, я увидела свое будущее. Одиночество. Суды. Нищета. Унижение.

Я должна была разрыдаться. Упасть на колени. Завыть.

Вместо этого я открыла рот. И медленно, с наслаждением, которое граничило с кощунством, съела его.

Язык ощутил холодную, упругую текстуру икринок. Я нажала на них, и они лопнули, высвободив концентрированный, соленый вкус моря. Моего моря, которое он у меня отнял. Я жевала медленно, тщательно перетирая каждую икринку, каждый кристаллик соли, каждую крошку хлеба.

Это был не завтрак.

Это был не акт вандализма.

Это было причастие.

Я принимала в себя силу своего врага. Я съедала его мир, его деньги, его власть. Переваривала их. Превращала в свою собственную энергию.

Я доела, проглотила и облизала губы. На них остался соленый привкус. Привкус крови.

Расстрел состоялся. Но он допустил одну, фатальную ошибку.

Он стрелял в ту, которая уже была мертва.

Глава 9

Звук молнии на чемодане в абсолютной тишине дома прозвучал как звук застегивающегося мешка для трупов. Вжик. Резкий, сухой, окончательный.

Я не спала. Сон — это для людей, у которых есть завтра. У меня завтра отменили. Его ампутировали где-то между третьим тостом за процветание клиники и тем моментом, когда мой муж — теперь уже официально мой палач — захлопнул дверь гостевой спальни, оставив меня наедине с руинами нашей жизни.

Я стояла посреди своей гардеробной. Нет, это была не гардеробная. Это был склад вещдоков. Мавзолей текстильной промышленности. Десятки квадратных метров, забитые шелком, кашемиром, кожей и мехом. Вещи, которые я покупала, чтобы соответствовать. Вещи, которые я носила, чтобы быть идеальной декорацией. Теперь они смотрели на меня с вешалок пустыми рукавами, словно безголовые призраки моих прошлых версий.

Я все еще была в том изумрудном платье. «Броня» помялась, потеряла свой зловещий блеск и теперь просто давила на ребра, мешая дышать. Бриллиантовое кольцо на шее нагрелось от температуры моего тела и стало липким, тяжелым ошейником. Я расстегнула замок. Холодный металл соскользнул в ладонь. Я небрежно бросила его на бархатный

пуф. Звякнуло. Звук был дешевым.

Нужно переодеться. Нужно сбросить кожу.

Я стянула платье. Оно упало на пол зеленой лужей. Я осталась в белье, глядя на себя в тройное зеркало. Бледная кожа, острые ключицы, синяки под глазами, которые уже не брал никакой консилер. Я выглядела как жертва кораблекрушения, которую выбросило на берег необитаемого острова. Только этот остров был отделан мрамором и красным деревом, а океан вокруг кишел акулами в дорогих костюмах.

Джинсы. Свитер. Кроссовки.

Я одевалась быстро, механически. Движения были рублеными, экономными. Я не собиралась оставаться здесь ни минуты дольше, чем нужно. Артур дал мне неделю? Какая щедрость. Какое великодушие феодала, позволяющего крепостному собрать пожитки перед изгнанием. Я не возьму эту неделю. Я не доставлю ему удовольствия видеть, как я брожу призраком по коридорам, вздрагивая от каждого скрипа. Я уйду сейчас. Пока он спит сном праведника или, что вероятнее, сном человека, принявшего две таблетки феназепама, чтобы заглушить совесть.

Чемодан Louis Vuitton с монограммами лежал на полу раскрытой пастью. Я начала швырять в него вещи.

Не складывать. Швырять.

Кашемировый джемпер Logo Piana. Вжик.

Комплект белья. Не того, кружевного, для соблазнения, а простого, хлопкового. Для выживания. Вжик.

Зарядные устройства. Пауэрбанк. Аптечка.

В любой непонятной ситуации собирай аптечку. Это правило номер один из методички по выживанию в современном мире. Обезболивающее. Успокоительное. Снотворное. Антибиотики. Я сгребала блистеры с полки в ванной, не глядя на названия. Моя жизнь превратилась в одну сплошную болезнь, и мне нужно было лекарство от всего сразу.

Я остановилась, держа в руках тяжелую шкатулку с украшениями.

Мой личный золотой запас. Моя страховка. Серьги с сапфирами — подарок на тридцатилетие. Кольцо с желтым бриллиантом — за рождение старшего сына. Браслет Cartier — извинение за ту «командировку» в Ниццу пять лет назад.

Я открыла шкатулку. Камни сверкали в холодном утреннем свете равнодушно и холодно.

Я вспомнила, как Артур дарил мне их. С той самой улыбкой. Снисходительной, барской. «Ты заслужила, дорогая».

Как собака заслуживает кость.

Я захлопнула шкатулку и сунула её вглубь чемодана, между джинсами и шерстяными носками. Это не подарки. Это зарплата. Выходное пособие за двадцать лет безупречной службы в должности «Жена Артура Вронского». Я заберу всё. Я продам каждый карат, каждую унцию этого проклятого металла, чтобы купить себе право на жизнь без него.

Чемодан был полон. Я села на крышку, чтобы застегнуть молнию.

Внутри меня не было истерики. Была только ледяная, звенящая ясность. План был прост, как инструкция к огнетушителю:

Вызвать такси.

Доехать до хорошего отеля в центре. Не «Ритц», конечно, но что-то, где есть круглосуточный рум-сервис и охрана, которая не пустит мужа на порог.

Выспаться. Впервые за полгода — по-настоящему.

Нанять адвоката-акулу, который выгрызет у Артура половину империи.

Я достала телефон. Экран вспыхнул, показав время: 06:15 утра.

Приложение для вызова такси. Я выбрала «Бизнес». Не из снобизма. Просто я не хотела, чтобы водитель эконом-класса

видел меня в таком состоянии и пытался завести разговор о погоде. Мне нужна была тишина и кожаный салон.

«Поиск машины...»

«Машина найдена. Mercedes E-class, черный...»

«Оплата картой...»

Экран мигнул. Красная плашка выскочила, как предупреждение о ядерной атаке.

«Оплата отклонена. Недостаточно средств или отказ банка-эмитента».

Я моргнула. Странно. Это была карта Visa Infinite. Лимит на ней был такой, что я могла купить этот «Мерседес» вместе с водителем.

Наверное, сбой. Банковская система иногда глючит по утрам.

Я сменила способ оплаты. Mastercard Platinum.

«Оплата отклонена».

Холодок пробежал по спине. Тонкий, противный, как лапки насекомого.

Я открыла банковское приложение. Face ID сработал мгновенно, пустив меня в цифровое хранилище моих денег.

Вернее, не моих.

На экране горели красные нули.

Основной счет: *0.00 руб.*

Сберегательный счет: *Доступ заблокирован.*

Валютный счет: *Доступ заблокирован.*

Я смотрела на эти цифры, и смысл происходящего доходил до меня медленно, как боль от глубокого пореза. Сначала ты видишь кровь, и только потом мозг кричит: «Тебя ранили!».

Это не сбой.

Артур не просто выгнал меня. Он меня обесточил.

Все эти карты, весь этот пластик, который я носила в кошельке как символ своей независимости, были привязаны к его счетам. Я была просто пользователем с правами доступа, которые администратор мог отозвать в один клик. И он это сделал. Пока я стояла в холле и произносила тосты, пока я

думала, что победила, он, вероятно, просто зашел в приложение и нажал кнопку «Блокировать».

Цифровая смерть.

В двадцать первом веке человека не обязательно убивать физически. Достаточно отключить его от финансовой системы. И вот ты уже не человек. Ты — биомасса. Ты не можешь купить еду. Не можешь уехать. Не можешь снять номер в отеле. Ты призрак.

Я попыталась забронировать отель через Booking. Вдруг там пройдет?

«Ошибка транзакции. Обратитесь в банк».

Я попыталась оплатить мобильную связь (баланс был близок к нулю).

«Ошибка».

Я сидела на чемодане в гардеробной за пять миллионов рублей. На мне были джинсы за пятьдесят тысяч. В чемодане лежали драгоценности на сотни тысяч долларов.

Но я не могла купить бутылку воды.

Паника начала подниматься из желудка, горячая и липкая. Я чувствовала себя так, словно стены дома начали сдвигаться. Это была не просто блокировка. Это была осада. Он

запер меня в клетке и выбросил ключ в канализацию.

— Спокойно, Регина, — сказала я вслух. Мой голос прозвучал хрипло и жалко в огромной комнате. — Думай. Думай. Ты не беспомощная девочка. У тебя есть связи.

Вениамин.

Наш семейный адвокат. Вениамин Львович.

Человек, который знал о нашей семье больше, чем мы сами. Он оформлял сделки по недвижимости, составлял завещания, улаживал мелкие ДТП Артура. Он был на каждом дне рождения детей. Он дарил мне редкие орхидеи и целовал руку, глядя в глаза с той отеческой теплотой, которая всегда меня подкупала.

Вениамин поможет. Он найдет способ разморозить хотя бы часть средств. Это незаконно — оставлять человека без средств к существованию. Есть же брачный контракт... Или нет? Я пыталась вспомнить, что именно я подписывала двадцать лет назад, будучи влюбленной идиоткой, которой было плевать на бумажки.

Я нашла его номер. Гудки пошли. Долгие, тягучие.

Один. Два. Три. Четыре.

Обычно он брал трубку после второго. Даже ночью.

На пятом гудке я уже готова была сбросить, но тут связь щелкнула.

— Слушаю, — голос был сухим, лишенным интонаций. Не «Алло, Регина Павловна!», не «Доброе утро!». Просто «Слушаю». Как автоответчик.

— Вениамин Львович, доброе утро. Простите, что так рано, но случилось что-то странное... — я старалась говорить ровно, сохраняя остатки светской маски. — Я пытаюсь вызвать такси, но все мои карты заблокированы. Приложение пишет про отказ банка. Вы не могли бы проверить, в чем дело? Может, какой-то технический сбой в банке? Артур, наверное, спит, я не хочу его будить из-за такой ерунды.

Тишина в трубке длилась секунды три. Но в этой тишине я услышала всё: шелест бумаг, его тяжелое дыхание и решение, которое он уже принял.

— Это не сбой, Регина Павловна, — произнес он. Тон был канцелярским, стерильным. Так патологоанатом сообщает родственникам время вскрытия. — Артур Сергеевич распорядился приостановить действие всех дополнительных карт, привязанных к его счетам. Это мера финансовой безопасности в рамках начатого бракоразводного процесса.

— Бракоразводного... — я запнулась. — Но мы еще ниче-

го не начинали. Он сказал мне об этом только вчера ночью!

— Процесс запущен юридически, — отрезал Вениамин.
— Заявление подано электронно. Временные ограничительные меры вступили в силу.

— Вениамин, — мой голос дрогнул, срываясь с официального тона на человеческий. — Веня. О чем вы говорите? Какие меры? У меня нет ни копейки. Я не могу выехать из дома. Вы же знаете, это абсурд. Разблокируйте мне счет. Хотя бы один. Мне нужно уехать.

— Я не могу этого сделать, — в его голосе проскользнули металлические нотки раздражения. — Я действую в интересах своего клиента. Мой клиент — Артур Сергеевич Вронский.

— А я? — почти выкрикнула я. — Я не ваш клиент? Вы пятнадцать лет ели за моим столом! Вы крестили моего младшего сына! Вы говорили, что мы семья!

— Я адвокат семьи, Регина Павловна. Главой семьи является Артур Сергеевич. Договор заключен с ним. Оплата моих услуг производится с его счетов. В данной ситуации у нас возникает конфликт интересов. Согласно кодексу профессиональной этики, я не имею права консультировать вторую сторону конфликта.

Конфликт интересов.

Кодекс этики.

Слова падали, как кирпичи. Бам. Бам. Бам.

— То есть вы меня бросаете? — спросила я тихо.

— Я выполняю свою работу. Я настоятельно рекомендую вам найти собственного юридического представителя. Государство предоставляет бесплатных защитников в случае финансовой несостоятельности. Но боюсь, в выходные они не работают. Всего доброго, Регина Павловна.

— Вениамин, подождите! — закричала я в трубку. — Вениамин!

Короткие гудки.

Ту-ту-ту.

Я смотрела на телефон так, словно он только что укусил меня.

«Государство предоставляет бесплатных защитников».

«В случае финансовой несостоятельности».

Он только что, вежливо и по протоколу, назвал меня нищей.

Человек, который на прошлом Рождестве поднимал тост за «мою мудрость и доброту», сейчас, не моргнув глазом, вышвырнул меня на обочину.

Люди — это просто функции. Джейн Остин писала о манерах, но Чак Паланик был прав насчет сути. Под слоем кружев и вежливости — только инстинкт самосохранения и жадность. Вениамин знал, где деньги. Деньги были у Артура. А я была токсичным активом. Общение со мной могло стоить ему контракта.

Я швырнула телефон на диван. Он отскочил и упал на ковер.

Я осталась одна. По-настоящему одна.

Ни денег. Ни адвоката. Ни друзей.

Только дом, который смотрел на меня сотнями глаз-камер и ухмылялся лепниной на потолке.

Ладно.

Хорошо.

Плевать на отель. Плевать на комфорт. Я не останусь здесь. Я уеду к... к кому? Родителей нет. Подруги? Изольда? Смешно. Она, наверное, уже строчит сообщения Милане, предлагая дружбу.

Я поеду просто куда глаза глядят. Переночую в машине. У меня есть «Мерседес». Мой белый GLE. Он стоит в гараже. В нем полный бак. Я могу уехать за сотни километров.

Я схватила сумку, ключи от машины с тумбочки и потащила чемодан к выходу.

Колесики Louis Vuitton глухо грохотали по паркету. Этот звук казался мне грохотом танка.

Я вышла в коридор. Пусто. Тишина. Где прислуга?

Обычно в это время, около семи утра, дом уже просыпался. Горничные, повара... Сегодня никого не было видно. Они прятались. Они знали. Прислуга всегда знает всё раньше хозяев. Они, как крысы, чувствуют вибрацию тонущего корабля задолго до того, как вода хлынет в трюм. Они сидели по своим норам, боясь попасть под перекрестный огонь.

Я спустилась на первый этаж, прошла через кухню. Идеальная чистота. Ни запаха кофе, ни свежей выпечки. Холод-

ный хром и мрамор.

Дверь в гараж была тяжелой, противопожарной. Я нажала на ручку, навалилась плечом.

Гараж встретил меня прохладой и запахом резины и бензина.

Свет включился автоматически, с легким жужжанием люминесцентных ламп.

Огромное пространство на четыре машины. Кафельный пол, чистый, как в операционной.

Справа, под серым шелковым чехлом, угадывались очертания коллекционного «Ягуара» Артура. Рядом — его повседневный «Майбах». Огромный, черный, блестящий, как катафалк.

И...

И всё.

На месте моего белого GLE зияла пустота.

Только небольшое масляное пятно на сером кафеле. Как след крови.

Я замерла. Чемодан выпал из руки и с грохотом ударился об пол.

Угнали?

Нет. Здесь охрана, как в Пентагоне.

Я медленно прошла вперед, глядя на пустое место. Я не могла поверить глазам. Машина стояла здесь вчера вечером. Я сама припарковала её, когда вернулась из клиники.

В углу гаража что-то шевельнулось.

Я вздрогнула.

Из подсобки вышел Сергей, наш водитель. Крепкий мужик лет пятидесяти, бывший военный. Он возил моих детей в школу десять лет. Он учил младшего кататься на велосипеде. Он помогал мне грузить покупки, когда я, в порыве демократичности, сама ездила на рынок.

Сергей держал в руках тряпку из микрофибры. Он полировал диск «Майбаха».

Он увидел меня и замер. В его глазах мелькнуло то же самое выражение, что и у Вениамина. Смесь жалости, вины и страха.

Он опустил глаза.

— Сергей? — мой голос эхом отлетел от бетонных стен.

— Где моя машина?

Он молчал, с остервенением натирая и без того зеркальный хром.

— Сергей! Я тебя спрашиваю! Где «Мерседес»?

Он вздохнул, выпрямился, но так и не посмотрел мне в глаза. Он смотрел куда-то в район моего левого плеча.

— В сервисе, Регина Павловна.

— В каком сервисе? — я сделала шаг к нему. — Она была исправна. Я вчера на ней ездила!

— Артур Сергеевич распорядился, — Сергей говорил тихо, словно извиняясь. — Утром, в пять часов, вызвал эвакуатор. Сказал, там с тормозной системой проблемы. Опасно ездить. Велел срочно на диагностику отправить. К дилеру. «Опасно ездить».

«Проблемы с тормозами».

Какая изощренная метафора.

Артур не просто забрал машину. Он сделал это под видом заботы. «Я беспокоюсь о твоей безопасности, дорогая». Циничная тварь.

— Сергей, — я подошла к нему вплотную. — Ты же понимаешь, что это бред. Мне нужна машина. Сейчас. Дай мне ключи от «Джипа» охраны. Или от «Майбаха». Мне все равно.

Сергей отступил на шаг назад, прижав тряпку к груди.

— Не могу, Регина Павловна. У меня строгий приказ. Никаких машин. Ключи у начальника охраны, в сейфе. Мне велено готовить «Майбах» к выезду Артура Сергеевича в десять.

— Я тебе приказываю! — голос сорвался на визг. — Я твоя хозяйка! Я плачу тебе зарплату!

Он наконец поднял глаза. И в них я увидела приговор.

— Вы мне не платите, Регина Павловна, — сказал он тихо. — Платит Артур Сергеевич. А у меня ипотека. И двое студентов. Простите.

Он развернулся и ушел в подсобку, плотно закрыв за собой дверь.

Я осталась одна посреди пустого гаража.

Я стояла и смотрела на свое отражение в черном лаке «Майбаха».

Искаженное, маленькое, жалкое.

У меня нет машины. У меня нет денег. У меня нет прав.

Я — пешка, которую сняли с доски.

А доска — вот она. Огромная территория элитного поселка, огороженная трехметровым забором с колючей проволокой и камерами. КПП с вооруженной охраной.

Без пропуска на машине меня не выпустят. Пешком? До ближайшей остановки автобуса — пять километров через лес и трассу. С чемоданом Louis Vuitton?

Это не дом. Это тюрьма строгого режима с пятизвездочным комфортом.

Я развернулась и пошла обратно. Чемодан я оставила в гараже. Он был слишком тяжелым. Неподъемным. Как и моя

прошлая жизнь.

Я шла по коридорам, и мне казалось, что воздух стал плотным, как вода. Я задыхалась.

Клаустрофобия.

В доме площадью восемьсот квадратных метров мне было тесно. Стены давили. Роскошь душила.

Я вышла в холл.

Что делать? Что мне делать?

Я села прямо на ступеньку мраморной лестницы. Холод камня просочился сквозь джинсы.

Мне нужно было понять, какие у меня остались ресурсы. Реальные ресурсы.

Я вытряхнула содержимое своей сумочки на пол.

Помада Chanel. Пудреница. Паспорт. Ключи от дома (которые, скорее всего, скоро тоже перестанут работать). Беспольные пластиковые карты. Салфетки.

И деньги.

Я нашла их во внутреннем кармане, скомканные, забытые.

Две купюры по сто рублей. И горсть мелочи.

Двести пятьдесят, может, триста рублей.

Я смотрела на эти бумажки.

На них можно купить чашку кофе. Или билет на маршрутку.

Это всё, что у меня есть.

Двадцать лет жизни. Двое детей. Идеальное хозяйство. Репутация. Связи.

Итог: триста рублей и заблокированный счет.

Я начала смеяться.

Смех булькал в горле, сухой, царапающий. Это была не истерика. Это было осознание абсурда. Я сидела в особняке, который стоит миллионы долларов, в одежде, которая стоит больше, чем годовой доход среднего россиянина, и я была

абсолютно, тотально нищей.

Я была собственностью. Дорогой, ухоженной, но лишенной субъектности вещью.

Артур был прав. Я — актив.

И сейчас этот актив списали.

Я сгребла мелочь обратно в сумку.

Смех прекратился так же внезапно, как и начался. На смену ему пришла холодная, злая решимость.

Хорошо.

Ты забрал у меня деньги. Ты забрал машину. Ты забрал адвокатов.

Ты думаешь, что обезоружил меня.

Ты думаешь, что я буду сидеть здесь и ждать, пока ты проснешься, чтобы упасть тебе в ноги и умолять о подачке?

Черта с два.

Если ты хочешь войны на уничтожение, ты её получишь.

Но воевать твоим оружием — деньгами и властью — я не

могу. У меня его нет.

Значит, я буду воевать своим.

Тем, о чем ты забыл. Тем, что ты считал моим «милым хобби», «блажью скучающей домохозяйки».

Мой взгляд упал на дверь в самом конце коридора первого этажа.

Она была неприметной, выкрашенной в цвет стен. Артур ненавидел эту комнату. Он называл её «складом хлама» и «пылесборником». Он никогда туда не заходил. Его стерильная душа не выносила запаха растворителей, лака и старой пыли.

Моя мастерская.

Я встала. Ноги были ватными, но я заставила их идти.

Я подошла к двери. Она была заперта на обычный ключ. Не электронный замок. Обычный, старый добрый механический замок.

Я достала связку ключей. Маленький, латунный ключик был на месте.

Я вставила его в скважину.

Поворот.

Щелчок.

Звук был мягким, маслянистым. Живым.

Это был не звук затвора тюремной камеры.

Это был звук открывающегося арсенала.

Я толкнула дверь и шагнула в темноту, пахнущую скипидаром и свободой.

Глава 10

Запах скипидара не лжет. Это его главное и, пожалуй, единственное достоинство.

В отличие от «Chanel №5», чья задача — продать идею утонченной женственности и замаскировать запах пота, страха или стареющего тела. В отличие от кондиционера для белья с ароматом «Альпийская свежесть», которым пропитаны простыни в нашей спальне — те самые египетские хлопki, на которых мой муж планировал совокупляться с женщиной размера XS. В отличие от самого Артура, который пахнет успехом, сандаловым деревом, дорогим виски и предательством.

Скипидар честен. Пинён. Разба

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.